KP41
all 303

ИВАНЪ ВЕЛИКОЙ.

СОЧ. В. ПОТАПОВА.

ИВАНЪ ВЕЛИКОЙ,

или

ТАИНСТВЕННАЯ ЮРОДИВАЯ.

ИСТОРИЧЕСКІЙ РОМАНЪ

ВРЕМЕНЪ БОРИСА ГОДУНОВА, ЛЖЕДИМИТРІЯ
И ЦАРЯ ВАСИЛІЯ ІОАННОВИЧА ШУЙСКАГО.

ВЪ ДВУХЪ ЧАСТЯХЪ.

Соч. В. Ѳ. Потапова.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

„Ты раскройся передо мною, старина матушка, развернитесь лѣтописи минувшихъ лѣтъ!....“

В. П.

МОСКВА.
Изданіе книгопродавца Манухина.
1868.

Дозволено Цензурой. Москва, 28-го Августа, 1867 года.

ГОСУДАРСТВ. ПУБЛИЧНАЯ
ИСТОРИЧЕСКАЯ
БИБЛИОТЕКА

917199V

ПЕЧАТАНО СЪ ИЗДАНІЯ 1857 г.

въ Тип. Назаровой, на Мясницкой, въ Злат. пер., противъ Монастыря, д. Госйкова. 1634.

И дымъ отечества намъ сладокъ и пріятенъ!

«Друзья! случалось ли когда вамъ, въ часъ
свободный,
«Съ завѣтной старины пыль дряхлую стря-
хнуть,
«И пробѣжать столбцы исторіи народной,
«И въ даль минувшую *догадкой* заглянуть?
«Не правда-ль, что тогда душа въ васъ
оживаетъ.
«И мысль за мыслію какъ водопадъ течетъ,
«И сердце биться въ васъ сильнѣе начинаетъ,
«И свѣтлая слеза на хартію падетъ?
«Кто испытать умѣлъ подобныя мгновенья,
«Тотъ въ жизни свѣтлыя минуты испыталъ;
«Поверьте! счастливъ — кто въ тиши уе-
диненья
«Невзгоды за перомъ на время забывалъ!

II

«Но тотъ, кто дни свои считаетъ лишь балами,
«Чья жизнь — *купеческій приходъ, барышъ,*
расходъ,
«Кто веселъ лишь тогда, когда кутитъ съ
друзьями,
«Друзья, мнѣ жалокъ тотъ! — друзья, мнѣ
жалокъ тотъ!
«Богачъ баклуши бьетъ, а авторъ день, ночь
пишетъ;
«Тотъ любитъ свѣтскій шумъ, тотъ скромно
жизнь ведетъ;
«Одинъ всю жизнь свою наукою лишь дышетъ,
«Другой шампанскимъ лишь и дышетъ и
живетъ,
«Напыщенный богачъ надъ авторствомъ смѣе-
тся.
«И авторъ, *по его*, на чердакѣ живетъ;
«Но пусть же обѣднять и богачу придется:
«Скорѣе автора — онъ съ голоду умретъ!.»

Василій Потаповъ.

ИВАНЪ ВЕЛИКОЙ

„Дѣла давно минувшихъ дней,
„Преданье — старины глубокой...
А. С. Пушкинъ.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Замыслы Годунова.

Юродивая въ теремѣ Годунова. — Тайное совѣщаніе.—Дьякъ Михайло Битяговскій.—Царевичъ, Богомъ спасаемый. — Ядъ не дѣйствуетъ.—Страшный замыселъ.

Было около полудня. Боярин Борисъ Ѳеодоровичъ Годуновъ возвращался изъ дворца. Подошедши къ своему дому, онъ набожно помолился на всѣ стороны и уже началъ взбираться на высокое крыльцо,

какъ позади его раздался женскій голосъ: «Здорово бояринъ!» Годуновъ обернулся и увидалъ женщину лѣтъ сорока, высокаго роста, съ желтымъ, истомленнымъ лицомъ и впалыми глазами, на устахъ которой блуждала какая-то неопредѣленная улыбка. Она была одѣта въ черный поношенный сарафанъ, такого же цвѣта повязка покрывала ея голову; но въ одеждѣ ея была замѣтна особенная странность и небрежность.

— Здорово бояринъ! повторила она, подходя ближе къ Борису, — какъ живешь-можешь? *Углицкіе* тебѣ кланяются...

— Здраствуй Агаѳьюшка! отвѣчалъ Годуновъ ласково и приподнявши шапку,—давно ли изъ Углича?..

— Недавно родимой, недавно! почесь что только ввалилась въ Москву, да и поспѣшила къ благодѣтелю; вѣсточка есть....

Борисъ подалъ знакъ, чтобы она молчала и слѣдовала за нимъ. — Вошедши въ свой

рабочій теремъ, Борисъ тщательно заперъ дверь, и опустившись въ кресло, обитое малиновымъ бархатомъ, обратился къ незнакомкѣ, которая почтительно стояла передъ нимъ.

— Теперь говори, Агаѳья, сказалъ Годуновъ, склонивши голову на руку и облокотясь объ столъ, подлѣ котораго сидѣла, — теперь говори! а впередъ будь осторожнѣе и не начинай на улицѣ такой рѣчи, которую должно вести за замкомъ....

— Ладно, бояринъ, отвѣчала Агаѳья поклонившись; — впередъ будемъ учиться у твоей милости — хитрости, уму и разуму, а на быломъ не взыщи: вѣдь мы, Угличане, не вамъ, Москвичамъ, чета; въ нашу дуру смотрись какъ въ матушку Волгу, а въ вашей, какъ въ Неглинкѣ, и воронъ не увидитъ, какъ онъ черенъ.... Говоря эти слова, незнакомка значительно улыбнулась.

— Полно, Агаѳьюшка, говорить рѣчи праздныя, молвилъ Годуновъ — скажи лучше, что новаго въ Угличѣ?.. что царевичъ?..

«Слава тебѣ Господи, живетъ и здравствуетъ! отвѣчала Агаѳья.

— Стало быть мое приказаніе не было исполнено? спросилъ Борисъ снова, нахмуривши брови...

— А кто ихъ вѣдаетъ! говорятъ, что зарудились, да вѣдь ты то подумай, Ѳедорычъ, что Господь хранитъ всякаго неповиннаго, а выше Бога, не взыщи, никто не будетъ, и власъ съ главы безъ воли Его не погибнетъ....

Въ это время кто-то сильно постучалъ въ дверь. Борисъ вздрогнулъ, — но, тотчасъ же оправившись отъ испуга, всталъ съ своего мѣста и подошедши къ двери, и не отпирая, спросилъ въ полголоса: «Кто тамъ?»

— Пріѣзжій изъ Углича дьякъ пришелъ и

не отступно желаетъ бить челомъ твоей милости; прикажешь ли впустить, бояринъ? отвѣчалъ изъ-за дверей голосъ.

Борисъ улыбнулся, взглянулъ на Агаѳью и молвилъ: — Гости за гостями и все Углицкіе; вѣрно Битяговскій!.. Позови его!—прибавилъ Годуновъ и, щелкнувши ключемъ, возвратился на свое мѣсто. Лишь только онъ усѣлся, какъ дверь отворилась и вошелъ мущина высокаго роста, пожилыхъ уже лѣтъ, свирѣпаго и ужаснаго вида. Рыжіе волосы на головѣ и бородѣ, испещренные предательскою сѣдиною, при первомъ взглядѣ на вошедшаго могли бы напоминать каждому страшнаго духа тьмы, присланнаго изъ ада на землю для исполненія какого нибудь безчеловѣчнаго предпріятія, а сѣрые глаза, подернутые туманною оболочкою и находившіеся въ без прерывномъ движеніи, ясно говорили, что это злодѣй, для котораго нѣтъ ничего свя-

щенаго; таковъ былъ дьякъ Михайло Битяговскій.

Сдѣлавши нѣсколько поклоновъ передъ иконою, висѣвшею въ переднемъ углу, Битяговскій отвѣсилъ чуть не земное почтеніе Годунову, и потомъ обратившись къ Агаѳьѣ, сказалъ: «А! юродивая, ужъ ты здѣсь! Скоренько залетѣла, за тобою не успѣешь....

— Не взыщи, Мишенька! откѣчала Агаѳья улыбнувшись,—что тебѣ дивиться, вѣдь наше дѣло не боярское: нѣтъ пуховой перины, не на чемъ нѣжиться лишній часокъ, нѣтъ дорогого убранства, не во что рядиться до полудня. — Легъ свернулся, всталъ стряхнулся — говоритъ пословица; вотъ и успѣла раньше тебя принести Ѳедорыну отъ Угличкихъ поклонъ.

Борису повидимому наскучила двусмысленная болтовня юродивой, и онъ, чтобы прервать ея рѣчь, обратился къ Битяговскому съ вопросомъ:

— Что новаго Михайла, какъ поживаютъ паши Угличкіе?

— Слава Богу, бояринъ, отвѣчалъ Битяговскій, — твоими молитвами и попеченіямъ здравствуютъ себѣ... Царица Марія Ѳеодоровна любуется своимъ сынкомъ-царевичемъ, родня ея — бояре Нагіе съ утра до ночи бражничаютъ, а царевичъ Димитрій Іоанновичъ цвѣтетъ, что твой маковъ цвѣтъ, и красивъ, и уменъ.... да! уменъ такъ, прибавилъ Битяговскій помолчавши, — что и сказать нельзя. Коли прикажешь, боринъ, такъ я раскажу тебѣ про его забавы, хоть про одну примѣрно....

На лицѣ Годунова явно блеснуло нетерпѣніе, но Битяговскій, какъ будто не замѣчая того, продолжалъ: — Мнѣ расказывала про это мамка его, боярыня Волохова; однажды, великимъ постомъ въ нынѣшнемъ году, царевичъ вышелъ съ своими товарищами, боярскими дѣтьми, на задній дворъ

гулять и тѣшиться, велѣлъ имъ, изъ снѣгу, который еще не стаялъ, надѣлать столбиковъ, и столбики тѣ похожи были на образъ человѣческой; одинъ изъ этихъ столбиковъ былъ выше всѣхъ и стоялъ на мѣстѣ почетномъ. Вотъ, какъ все было готово, онъ и давай ихъ косить деревяннымъ мечемъ, кому отсѣчетъ руку, да примолвитъ: «вотъ тебѣ, бояринъ Клешня, — будь впередъ умнѣе;» другаго проколетъ насквозь, да закричитъ: «вотъ и тебѣ, князь Шуйскій,—не хитри!...» наконецъ подошелъ къ столбику, что былъ выше всѣхъ, отхватилъ совсѣмъ прочь голову, самъ захохоталъ и проговорилъ: «и твоя денежка не щербата, Борисъ Годуновъ, ты всѣхъ выше, тебѣ и подарокъ почетнѣе!.. Потомъ царевичъ бросилъ свой мечъ и побѣжалъ въ хоромы, приговаривая: «такъ имъ будетъ въ мое царствованіе!...» Уменъ, такъ уменъ, что и сказать нельзя!..

Битяговскій замолчалъ и украдкою взгля-

нулъ на Бориса. Лице Годуново пылало, грудь волновалась....

— И это такъ дѣйствительно было? спросилъ Борисъ, мрачно взглянувши на дьяка.

— Боярыня Волохова меня завѣрила...., отвѣчалъ Битяговскій.

— Такъ-то вы исполняете мои порученія! вскричалъ Годуновъ, вскочивши съ своего мѣста:—вы всѣ готовы продать душу свою на вѣсъ золота, вы никакъ не прочь отъ моихъ милостей, наградъ и почестей..., вы все обѣщаете исполнить, да только на словахъ. — Говори, почему не исполнено мое приказаніе, развѣ я не далъ вамъ вѣрнаго средства?....—Битяговскій испугался и сдѣлалъ нѣсколько шаговъ назадъ. — «Не гнѣвись бояринъ, проговорилъ онъ робко, прежде изволь выслушать; по твоему приказанію я изыскивалъ всѣ средства, чтобы привести умыселъ нашъ въ исполненіе,—вѣдь ты самъ настрого запретилъ мнѣ показываться безъ

особенной надобности во дворецъ: вотъ я и дѣйствовалъ стороною. — Боярыня Волохова взялась угодить тебѣ, подговорила поваренка, и раза три подмѣшивали ядъ..... то есть твое злодѣйство, бояринъ, въ яства царевичевы....

— Ну что же далѣе? спросилъ Годуновъ съ нетерпѣніемъ.

— Ядъ не подѣйствовалъ! отвѣчалъ Битяговскій, пожимая плечами.

— Ты лжешь, бездѣльникъ! вскричалъ Борисъ, подходя къ дьяку, ты лжешь....

— Сними съ меня голову, боярин ь, если я сказалъ хоть одно неправое слово — отвѣчалъ сей послѣдній хладнокровно.

Годуновъ задумался и снова опустился въ бархатное кресло. Нѣсколько минутъ продолжалось молчаніе.

— Не дѣйствуетъ, ядъ не дѣйствуетъ.... проговорилъ наконецъ Борисъ въ раздумьи,— чудное дѣло!.... Послушай, Михайло, прибавилъ онъ наконецъ, взглянувши пристально

но на дьяка, — не знаешь ли ты средства вѣрнѣе.... которое бы *подъйствовало*.... ты меня понимаешь?.. Такое средство, на которое бы ни какой заговоръ...

Битяговскій, не давши Годунову докончить рѣчи, улыбнулся и сдѣлалъ рукою знакъ, отъ котораго волосы у хитраго боярина стали дыбомъ ... — Убійство, вскричалъ онъ, открытое убійство! Михайла, только одинъ демонъ могъ внушить тебѣ эти мысли....

Битяговскій снова улыбнулся и отвѣчалъ хладнокровно:—Другихъ средствъ не остается, бояринъ..... твердая рука, которая не дастъ промаха, и острый ножъ.... рѣшатъ всё дѣло, скорѣе бѣлаго порошка твоего....

Годуновъ снова содрогнулся. «Ужасный замыселъ! сказалъ онъ въ раздумьи, — но я согласенъ: скажи мнѣ, кто въ состояніи исполнить его?....

— Мало ли людей, бояринъ, развѣ ты не имѣешь въ Угличѣ приверженцевъ?.... отвѣ-

чалъ дьякъ. — Положись во всемъ на меня, я, по милости твоей, живу тамъ безвыѣздно, управляю земскими дѣлами, и повѣрь, не буду дремать.... Твоя польза для меня всего дороже. Да! бояринъ, если задрожитъ рука другаго, то не дрогнетъ рука Битяговскаго....

— Смотри не промахнись, Михайлушко! раздалось вдругъ въ углу свѣтлицы.—Борисъ и Битяговскій вздрогнули и поблѣдиѣли, какъ преступники, уличенные въ злодѣяніи.

Годуновъ первый пришелъ въ себя, и грозно взглянувши на Агаѳью, которая стояла смиренно, и, потупивши глаза, перебирала въ рукахъ длинныя четки, — сказалъ: «что ты тутъ бормочешь, сумасшедшая? не пригоже, Агафья, подслушивать чужія рѣчи!..

Агаѳья низко поклонилась:—Слушаю, бояринъ, да исполнить приказъ твой трудно: рада бы не слушать, а слова твои сами въ уши напрашиваются. Давно, Ѳедорычъ, обѣ-

щалъ ты подарить Агаѳьѣ сережки, вотъ теперь бы кстати, завѣсь дурѣ уши золотомъ — ничего не услышитъ, право такъ, не погнѣвись, родимый!

Борисъ улыбнулся: «За золотыми серьгами дѣла не станетъ: вотъ тебѣ, Агаѳья, возьми, да смотри же употреби эти деньги на то, для чего просила, и чтобы ты никогда ничего не слыхала, а если что и слышала— постарайся забыть! Теперь прощай, ступай съ Богомъ, помни одно: ни кому ни слова, ни здѣсь, ни въ Угличѣ!» Годуновъ подалъ юродивой серебряную монету и сдѣлалъ знакъ, чтобы она вышла.

Юродивая взяла монету, поклонилась и сказала: «Будь покоенъ, Ѳедорычъ, я молчалива и лишняго словечка не вымолвлю, а не то ты пожалуй велишь Михайлушкѣ и мнѣ отрѣзать языкъ; есть, бояринъ, другая свидѣтельница, ее не испугаешь ножемъ и не подкупишь деньгами: эту свидѣтельницу

зовутъ совѣстью; куды она голубушка не угомонна! расходится, такъ и не уймешь!

Борисъ съ негодованіемъ вскочилъ съ мѣста, но юродивой уже не было.

Успокойся — бояринъ, замѣтилъ Битяговскій, — я хорошо знаю эту юродивую, она живетъ въ Угличѣ, у меня въ домѣ; языкъ ея правда остеръ какъ ножъ, но вѣрь мнѣ, что она насъ не выдастъ.

— Положимъ такъ, замѣтилъ Годуновъ, я вѣрю словамъ твоимъ, но осторожность и тайна—должны быть первыми условіями нашихъ замысловъ....

Долго еще совѣщались злоумышленники на жизнь невиннаго младенца; наконецъ Битяговскій вышелъ осторожно изъ дома боярина Годунова и скрылся....

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Роковое совѣщаніе.

Дворецъ царевича въ Угличѣ. — Царица Марія Ѳеодоровна — Царевичъ Димитрій. — Опять юродивая. — Ея таинственныя предсказанія. — Боярыня Волохова. — Тайное совѣщаніе злодѣевъ.

Еще и по сіе время любители отечественной старины могутъ видѣть Ярославской губерніи, въ уѣздномъ городѣ Угличѣ, дворецъ, въ которомъ нѣкогда жилъ царственный юноша, сынъ Грознаго Іоанна, падшій подъ ударомъ проклинаемаго всѣмъ народомъ Русскимъ убійцы, и причтенный къ лику св. мучениковъ — Этотъ дворецъ Димитрія Царевича, любопытный и рѣдкій памятникъ нашей Исторіи, уцѣлѣлъ до сихъ поръ, хотя

и не въ первобытномъ видѣ своемъ. Онъ передѣланъ и поповленъ внутри, вѣроятно потому, что отъ него остались однѣ стѣны; впрочемъ наружность его кажется такова же, какъ и была, кромѣ рѣшетки, которою нынѣ онъ обнесенъ и которой въ то время не было; впрочемъ, смотря на его мрачный видъ, на высокое крыльцо, вы немедленно переноситесь мысленно во времена минувшія; не подалеку отъ дворца взоръ вашъ встрѣчаетъ соборную церковь и ту не высокую готическую колокольню, на которой нѣкогда раздавался набатъ, и.... горестная картина убіенія царственнаго младенца, какъ будто происходя предъ вами, вырываетъ изъ Русскаго сердца горячую слезу воспоминанія, и проклятіе на главы убійцъ, обагрившихъ нечестивыя руки свои въ святой крови вѣнценосна праведника.

Царица Марія Ѳеодоровна сидѣла въ своей образной свѣтлицѣ, у разноцвѣтнаго окна и

любовалась своимъ ненаглядным сыномъ, царевичемъ Димитріемъ, который, опустивши ангельскую голову свою на колѣна матери, нѣжно ласкался къ царственной родительницѣ и, время отъ времени, отвѣчалъ на ея вопросы. Нѣсколько времени продолжалась эта невыразимая, семейственная бесѣда; наконецъ царица задумалась и, разбирая въ задумчивости шелкъ нѣжныхъ кудрей Димитрія, вздохнула; взоръ ея наполнился слезами... Царевичъ тотчасъ это замѣтилъ:

— Опять вздохи, опять слезы, родимая моя! сказалъ онъ осыпая поцѣлуями руки матери,—да когда же этому будетъ конецъ?.. Скажи мнѣ, родная, о чемъ грустишь ты? Или какое предчувствіе тревожитъ тебя? Готовится ли намъ какое несчастіе? Разскажи, повѣдай мнѣ матушка-царица?....

Марія Ѳеодоровна прижала сына къ груди своей и отвѣчала: «Прошедшее, сынъ мой,

прошедшее,.... напоминая мнѣ былое счастіе, невольно иногда тревожитъ меня и въ самомъ уединеніи....

— Прошедшее! вскричалъ Царевичъ, отступивши на нѣсколько шаговъ отъ родительницы, — прошедшее! всегда такъ говоришь ты, моя непаглядная! Да что же это за прошедшее? Развѣ ты въ силахъ воротить его своими слезами?.... Если ты плачешь о покойномъ государѣ — моемъ родителѣ, то зачѣмъ тебѣ скрывать свою горесть? Раздѣли ее вмѣстѣ со мною, съ твоимъ сыномъ, и я также какъ ты наплачусь досыта?.... Царевичъ зарыдалъ, но вскорѣ опомнился, быстро отеръ слезы и продолжалъ: «Если же помыслы о минувшихъ дняхъ царственнаго величія смущаютъ духъ твой — матушка царица, то вспомни государыня, что для тебя не закрыты двери дворца царскаго и что на престолѣ царства Русскаго сидитъ старшій братъ мой»!....

— Да кто правитъ-то царствомъ Русскимъ? раздался вдругъ голосъ; въ это же время дверь отворилась и Агаѳья предстала предъ изумленною царицею....—Соколъ ты мой ясной! продолжала она, обращаясь къ Царевичу: — на престолѣ царства Русскаго сидитъ твой старшій братъ, но правятъ царствомъ пять его пѣстуновъ *); а вѣдь они себѣ на умѣ! Бояре народъ хитрый, умѣютъ въ мутной водѣ ловить рыбу; государь Феодоръ Іоанновичъ,—дай ему Господи много лѣтъ здравствовать! — любитъ Бога, паче славы; править царствомъ—дѣло великое: онъ, мой батюшка, пойдетъ въ

---

*) Извѣстно по исторіи, что Іоаннъ Грозный, скончавшись 18 марта 1584 года, назначилъ послѣ себя наслѣдникомъ сына своего Ѳеодора Іоанновича, къ которому, какъ къ немощному и слабому государю, приставилъ пятерыхъ пѣстуновъ или дядекъ: Бѣльскаго, Мстиславскаго, Юрьева, Шуйскаго и Годунова.

храмъ Божій, судить да рядить укажетъ пѣстунамъ — они и начнутъ вертѣть по своему.... особливо Борисъ Ѳедорычъ Годуповъ, куда па все мастеръ.... жаль только голубчика, тово и гляди ослѣпнетъ....

— Что ты говоришь, Агаѳьюшка? спросилъ Царевичъ съ участіемъ: — бояринъ Годуновъ ослѣпнетъ?.... Отчего же это?

— А вотъ отъ чего, ненаглядной мой, — отвѣчала юродивая: — случалось тебѣ въ свѣтлый, ясный день взгляпуть на солныш-к, — куды какъ тяжело глазамъ! взгляпешь да и отвернешься, — да вѣдь это одна минута, а у боярина Годунова — Мономаховъ вѣнецъ всегда передъ глазами, глядитъ на него, мой сердечный, середи дня, бредитъ во снѣ... тово и гляди ослѣпнетъ....

Царица пристально посмотрѣла на юродивую: Твои слова загадочны, Агаѳьюшка, молвила она, — но я не совѣтовала бы тебѣ

говорить такія рѣчи вслухъ, а Царевичу внушать такія мысли я тебѣ запрещаю!..

Агафья низко поклонилась. — Прости, государыня! сказала она, — языкъ мой — мнѣ врагъ, остеръ онъ, матушка царица, да все не столько, какъ ножъ въ рукѣ подкупнаго убійцы: словомъ не убьешь, моя голубушка!.... Еще скажу тебѣ примѣръ, государыня, коли собака брехаетъ — не бойся ее, она и рветъ и мечетъ, а не укуситъ; бойся той собаки, что молча бросается!.... Вотъ ты то разсуди, кто кромѣ Агаѳьи такъ смѣло станетъ говорить тебѣ, всѣ кланяются въ поясъ, никто противнаго словечка не молвитъ, кажись любятъ тебя и души не слышалъ, а загляпуть бы иному въ сердце куды чай темно... Береги, государыня, Царевича, не надѣйся на мамокъ, на нянекъ; онѣ служатъ тебѣ за деньги и за эти же деньги продадутъ другому свои услуги....

Въ это время вошла въ свѣтлицу пожилая женщина, богато одѣтая въ малиновый бархатный сарафанъ и дорогую фату, но чрезвычайно непривлекательная собою; это была мамка Царевича Димитрія, боярыня Волохова. — Поклонившись царицѣ, боярыня бросила презрительный взглядъ на юродивую. — Послѣдняя, ни мало не смутившись, начала съ удивленіемъ головою и сказала. «Здорово, боярыня! какая ты, моя голубушка, стала чорная, знать въ матушкѣ Волгѣ пересохла водица и умыться то тебѣ не чѣмъ. Жаль мнѣ тебя, боярыня Василиса, не пригоже ходить такою неумойкою; прiберись, моя сударушка, не ровенъ часъ, позовутъ въ гости, а ты и не готова.

— Молчи, сумасшедшая! отвѣчала сердито боярыня Волохова,—болтаешь ни вѣсть что.

— Полно, такъ ли, Василисушка? сказала Агаѳья;—мнѣ кажись сойти съ ума не отъ чего, у меня въ головушкѣ нѣтъ такихъ

замысловъ, чорныхъ и страшныхъ, отъ которыхъ бы мозгъ поворотился; вотъ ты, моя сударыня, совсѣмъ исхудала отъ раздумья, оттого-то стала такою несмойкою, Брось, боярыня, эту думу, плюнь на нее, и коли въ Волгѣ нѣтъ для тебя водицы, такъ сходи къ духовнику, Отцу Ивану — онъ дастъ тебѣ святой водицы, умоешься, изопьешь; и все какъ рукой сниметъ.

Волохова отвернулась отъ юродивой, и чтобы скрыть волненіе свое, начала ласкать Царевица. Агаѳья между тѣмъ вышла но таинственныя слова ея сильно подѣйствовали на сердце царицы, и съ той минуты она еще пристальнѣе стала наблюдать за сыномъ, не отпускала его почти ни на шагъ отъ себя, не разставалась съ нимъ ни днемъ, ни ночью, выходила изъ дворца только въ церковь, питала его изъ собственныхъ рукъ; но злоба враговъ не дремала...

Было около восьми часовъ за полдень. Прекрасный майскій вечеръ вѣялъ отрадною прохладою, солнце огненнымъ шаромъ плыло къ западу, звуки пастушеской свирели возвѣщали приближеніе стада и ревностные Углицкіе торговцы расходились по домамъ, запирая свои лавки. — Въ это время къ дому Михаила Битяговскаго быстро приближались два человѣка, закутанные въ широкіе охобни; они часто оборачивались назадъ оглядывались на всѣ стороны, разговоръ ихъ былъ отрывистъ и происходилъ въ полголоса. Глядя на двухъ незнакомцевъ, которые по видимому были оба еще молодыхъ лѣтъ, всякій догадался бы что они или избѣгаютъ преслѣдованія, или идутъ на такое дѣло, съ которымъ не можетъ быть въ ладу совѣсть честнаго человѣка. — Подошедши къ дому, они постучались легонько въ ворота, калитка отворилась и пѣшеходцы, вбѣжавши на крыльцо,

вошли въ комнату. Это были сынъ мамки царевичевой, Осипъ Волоховъ, и племянникъ Битяговскаго, Никита Качаловъ. Дьякъ Михайло Битяговскій и сынъ его Данила сидѣли въ свѣтлицѣ за ужиномъ и, какъ видно, дожидались къ себѣ пришедшихъ гостей, потому что кушанья были не початы; романея и медъ, палитыя въ серебряныя стопы, касались самыхъ краевъ и ожидали начала трапезы.

Волоховъ и Качаловъ, по Русскому обычаю, помолились иконамъ, висѣвшимъ въ переднемъ углу, поклонились хозяевамъ и въ одинъ голосъ проговорили: хлѣбъ да соль!

— Милости просимъ! отвѣчалъ Михайло Битяговскій, — а у насъ ужь и щи простыли и романея выдохлась; ждали, ждали, начали думать, что ужь вы и слова не сдержите....

— Меня задержалъ вотъ онъ! сказалъ Качаловъ, указывая на Волохова, — я дожи-

дался его у дворца; ты самъ, дядюшка, наказалъ мнѣ быть осторожнѣе....

«Да, да! осторожность и тайна необходимы, этого требуетъ Борисъ Ѳеодоровичъ.... замѣтилъ Битяговскій.. Между тѣмъ всѣ усѣлись за столъ, и въ свѣтлицѣ, на нѣсколько минутъ, воцарилась тишина, прерываемая время отъ времени стукомъ оловянныхъ тарелокъ или звономъ серебряныхъ стопъ, которыя дружно опорожнялись собесѣдниками. — Когда первый порывъ голода былъ утоленъ и щеки друзей разгорѣлись отъ романеи, Михайло Битяговскій снова началъ разговоръ:

— Ну какъ же наше дѣло? сказалъ онъ, обращаясь къ Волохову; — когда мы приведемъ въ исполненіе нашъ замыселъ? Послѣ завтра я долженъ послать вѣсть въ Москву; неужели же и теперь отложимъ до слѣдующей недѣли: вѣдь этакъ мы замучимъ боярина ожиданіемъ и онъ перестанетъ намъ вѣрить.

— Матушка согласна приступить къ исполненію хоть завтра, отвѣчалъ Волоховъ, но приказала сказать, что за успѣхъ не ручается и что поспѣшность наша неумѣстна: Царица Марія Ѳеодоровна ни на минуту не отпускаетъ отъ себя Царевича, не довѣряетъ его ни мамкѣ, ни кормилицѣ....

— Ну, а что Жданова? спросилъ Битяговскій.

— На кормилицу нельзя имѣть никакой надежды, отвѣчалъ Волоховъ, — и матушка, зная приверженность ея къ Царевичу и царицѣ, не принимаетъ на себя труда склонить ее на нашу сторону. — Впрочемъ большой надобности въ ней нѣтъ, завтра матушка употребитъ всѣ средства, чтобы выманить Царевича изъ дворца, а докончить будетъ наше дѣло..

— И такъ завтра, послѣ обѣдни? спросилъ снова Михаило Битяговскій. Волоховъ сдѣлалъ утвердительный знакъ.

— Кто же будетъ начинателемъ сказалъ въ свою очередь Данило Битяговскій.

— Разумѣется кто: — Волоховъ, возразилъ Никита Качаловъ съ злобною усмѣшкою, — ему и честь и слава, да притомъ же онъ ближе всѣхъ имѣетъ доступъ ко дворцу и Царевичь обходится съ нимъ ласково....

Данило Битяговскій взялъ стопку съ романеей. — За здоровье боярина Волохова! вскричалъ онъ, поднимая стопку надъ головою....

— И за успѣхъ предпріятія!.... отвѣчали всѣ въ одинъ голосъ, и всѣ, взявши по стопкѣ, осушили однимъ духомъ.

— За здоровье того, который умѣетъ держать языкъ за зубами раздался голосъ за дверью, и всѣ, вздрогнувши, спустили стопы на столъ. Въ свѣтлицу вошелъ любимецъ и клевретъ Михайлы Витяговскаго, Данило Третьяковъ, мущина высокаго роста и свирѣпой наружности.

— Тьфу ты окаянный сказалъ Битяговс-

кій, приходя въ себя и оправившись отъ испуга — сердце въ пятки ушло. —

— И не мудрено, боярин, отвѣчалъ Третьяковъ, — вы здѣсь мыслите вслухъ: чуть чуть не слышно на площади; мнѣ то и дѣло твердятъ: Данило, будь остороженъ, Данило, держи языкъ за зубами, не пускай словъ на вѣтеръ, а сами изволятъ бражничать и орутъ такія рѣчи, что уши вянутъ.

— Ну, ну, полно ворчать, Данило! сказалъ Михайло Битяговскій, подавая ему стопу романеи, — выпей-ка, да раскажи намъ, какую вѣсточку прислалъ Клешнинъ.....

Третьяковъ выпилъ стопу, и въ самомъ дѣлѣ сталъ гораздо разговорчивѣе: — Боярин на все согласенъ, отвѣчалъ онъ; завтра онъ ожидаетъ окончанія нашего замысла, только велѣлъ извѣстить васъ, чтобы вы не надѣялись на Угличанъ, они крѣпко привержены къ Царевичу, и если смекнутъ дѣломъ, то намъ не сдобровать. Самое луч-

шее средство, которое можетъ скрыть наше дѣйствіе, — распустить молву, что Царевичъ умертвилъ себя самъ во время падучей болѣзни, играя ножемъ.... Во-вторыхъ, продолжалъ Третьяковъ, обращаясь къ Михайлѣ Битяговскому, — тебѣ, боярин, онъ совѣтуетъ быть въ то время во дворцѣ: на тебя менѣе всякаго другаго падетъ подозрѣніе, потому что ты занимаешься домашнимъ обиходомъ Царицы и имѣешь къ ней полный доступъ....

Долго еще совѣщались злодѣи; наконецъ участь порфироднаго младенца была рѣшена, и они разстались. Уснуло на нѣсколько часовъ ужасное преступленіе, уснуло, чтобы, проснувшись съ появленіемъ утренней зари, предстать во всемъ видѣ страшнаго исполненія и совершить дѣло цареубійства, ужасающее дальнѣйшее потомство!....

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Убіеніе царевича Димитрія.

Роковой день (15 мая 1591 годп).—Зловѣщій сонъ Ирины Ждановой. — Предательница мамка. — Убійцы. — Смерть девятилѣтняго праведника. — Тревога. — Пономарь Огурецъ. — Казнь злодѣевъ.

15-го мая 1591 года царица Марія Ѳеодоровна съ царевичемъ Димитріемъ слушала обѣдню въ соборной церкви. День былъ субботній. По окончаніи литургіи царица, получивши отъ священника просфору и благословеніе, отправилась изъ церкви и, по обыкновенію своему, начала одѣлять нищую братію въ числѣ которой стояла при входѣ во храмъ и Агаѳья.

Поровнявшись съ юродивой, Марія Θеодоровна подала ей копѣечку и молвила: «за здравіе Димитрія!» Царевичъ, увидавши Агаѳью, съ своей стороны подалъ ей также серебряную монету и сказалъ: за «здравіе Царя Феодора и за всѣхъ православныхъ христіанъ!»

Юродивая, принявши подаяніе и поцѣловавши руку младенца, зарыдала.

Возвратившись во дворецъ, царица начала готовиться къ трапезѣ, и въ ожиданіи дяди и братьевъ своихъ, бояръ Нагихъ, занималась съ сыномъ: Слуги носили кушанья. — Въ это время кормилица царевича, Ирина Жданова, подошла къ царицѣ.—

«Не прогнѣвайся, государыня, сказала она, что я разскажу твоей милости: сегодня всю ночь мнѣ что-то не поспалось, злая бевсонница обуяла меня, и я, словно рыба въ безводьѣ, металась лежа въ постелѣ; подъ самое утро, когда въ соборѣ ударили

къ заутрени, сонъ отуманилъ глаза мои, и я согрѣшила, заснула, не пошла и въ храмъ Божій. Вотъ заснула, и вижу будто ты, государыня, сидишь въ этой самой свѣтлицѣ и на этомъ мѣстѣ, а на правомъ плечѣ у тебя сидитъ райская птичка, такая раскрасивая, что и сказать нельзя. перушки золотыя, и отъ нея по свѣтлицѣ идетъ такой свѣтъ, словно отъ краснаго солнышка: — Ты, государыня, ласкаешь птичку райскую, а она къ тебѣ ласкается; вдругъ откуда ни возьмись ястребъ престрашенной, влетѣлъ въ свѣтлицу вырвалъ изъ рукъ твоихъ птичку, схватилъ острыми когтями, — да и былъ таковъ! Ты, государыня, горько заплакала, я глядя на тебя завопила пуще того.... и въ это время проснулась. — Не добрый сонъ, матушка-царица, не доброе предвѣщаетъ онъ.... Береги, государыня, царевича, береги его, моего пенаглядnаго. Сердце не даромъ говоритъ, что есть лихо-

дѣи; Агаѳья-юродивая не даромъ тверди-ла рѣчи мудрепыя — быть худу!....

Едва Жданова успѣла окончить разсказъ, какъ боярыня Волохова вошла въ свѣтлицу.

— Димитрій Ивановичъ! сказала она, боярскія дѣти, твои товарищи, собрались и ожидаютъ тебя на заднемъ дворѣ не хочешь ли позабавиться пока до обѣда; пойдемъ, ненаглядный мой, потѣшься на здоровье! Засадили тебя, моего соколика, и ни на шагъ изъ терема!

Царевичъ простосердечно подалъ мэмкѣ руку, но кормилица Жданова притянула его къ себѣ, и заплакавши, молвила: «не ходи, голубчикъ мой, тѣшься здѣсь, въ теремѣ, мое красное солнышко! Здѣсь тебѣ и привольнѣе и безопаснѣе!....

Волохова бросила свирѣпый взглядъ на добрую кормилицу. — Ирина Жданова забыла, сказала она, — что говоритъ эти рѣчи

при мамкѣ царевичевой, которая не менѣе блюдетъ о здоровьѣ и безопасности своего воспитаника! Не пригоже, Ирина, безпокоить царицу рѣчами подозрительными; какая опасность можетъ угрожать младенцу?.. развѣ мы живемъ въ басурманской землѣ?.... развѣ здѣсь есть враги престолу царскому?.... Смотри, голубушка, говори впередъ, да не заговаривайся!

Окончивши рѣчь свою, Волохова повела царевича изъ свѣтлицы. Царица, по видимому убѣжденная словами коварной мамки, не препятствовала ей и только подала знакъ кормилицѣ слѣдовать за ними, оставшись сама въ какомъ-то разсѣяніи на своемъ мѣстѣ.

Вышедши въ сѣни, Волохова свѣла царевича къ нижнему крыльцу, какъ вдругъ Осипъ Волоховъ, Данило Битяговскій и Никита Качаловъ появились на этомъ крыльцѣ. Первый изъ нихъ, поклонившись царе-

вичу, взялъ его за руку и ласково спросилъ: «Государь! у тебя новое ожерелье?...» Младенецъ съ улыбкою невинности поднялъ головку и отвѣчалъ: «Нѣтъ, Осипъ, старое!» Тутъ въ рукѣ Волохова блеснулъ ножъ, но едва коснувшись гортани невиннаго младенца, выпалъ изъ рукъ злодѣя.

— Измѣна! убійство! спасите! помогите люди Русскіе! вскричала Жданова и обвила руками державнаго питомца. Въ то же время Данило Битяговскій и Качаловъ вырвали изъ рукъ ея жертву, ножъ снова сверкнулъ, и преступленіе было совершено, — царевичъ зарѣзанъ!.... Убійцы бросились съ крыльца и почти сшибли съ ногъ проходившаго мимо пономаря соборной церкви. Огурецъ (имя пономаря) *) поровнялся съ крыльцомъ въ то самое время, какъ царевичъ палъ подъ ударомъ убійцъ, и незная,

---

*) лице историческое.

что предпринять, бросился стремглавъ обратно, вбѣжалъ на колокольню, заперся, — и вскорѣ въ городѣ раздался набатъ.

Царица, слыша отчаянные вопли кормилицы, выбѣжала изъ свѣтлицы, и картина, представившаяся глазамъ ея, олединила кровь въ ея жилахъ.... Девятилѣтній святой мученикъ лежалъ, окровавленный въ объятіяхъ той, которая воспитала и хотѣла защитить его своею грудью; онъ *трепеталъ какъ голубь*....

Марія Ѳеодоровна съ воплемъ отчаянія схватила своего порфиророднаго сына, Жданова молча указала ей на безбожную мамку, смятенную убійствомъ, и на злодѣевъ, бѣжавшихъ дворомъ къ воротамъ. — Царица, рыдая, обнимала Димитрія, старалась остановить текущую изъ гортани его кровь, но уже было поздно: онъ испускалъ духъ и вскорѣ скончался, не слыхавъ вопля отчаянной матери!....

Злодѣи между тѣмъ скрылись, некому было остановить ихъ; но Всевышній Мститель присутствовалъ!....

Чрезъ минуту весь городъ пришелъ въ волненіе. Звуки набата не умолкали, и вскорѣ улицы наполнились народомъ. Толпы горожанъ со всѣхъ сторонъ бѣжали на звукъ колокола; смотрѣли дыма, пламени, думая, что говоритъ дворецъ, и тутъ мятежъ открылся со всѣми своими ужасами. — Площадь передъ дворцомъ была затоплена народомъ; говоръ, шумъ, крикъ, звукъ набата, мѣшаясь вмѣстѣ, представляли страшную картину.

— Да чтожь это, ребята, вскричалъ наконецъ одинъ горожанинъ, съ черною окладистою бородою, — скоро ли мы добьемся толку — набатъ гудитъ все чаще и чаще;

ворота въ дворцѣ заперты, а мы стоимъ сложивши руки; за мной ребята, — ворота и запоры насъ не удержатъ, пойдемъ и увѣримся, не угрожаетъ ли какая опасность царицѣ и царевичу!

— Идемъ, идемъ! раздались тысячи голосовъ; ворота затрещали, и толпа, хлынувши на дворъ, остановилась въ недоумѣніи: на землѣ лежалъ окровавленный царевичъ, подлѣ него мать и кормилица безъ памяти....

Скоро въ народѣ снова раздался шумъ, одни рыдали, другіе требовали злодѣевъ... Жданова пришла въ себя, приподняла голову, зарыдала, и имена убійцъ были ею произнесены.

Въ это время явился дьякъ Михаила Битяговскій: «не вѣрьте ей, народъ православный!» закричалъ онъ, — она сумасшедшая и говоритъ это въ забытьи: царевичъ не убитъ, сейчасъ игралъ онъ здѣсь ножич-

комъ, забавлялся; вдругъ случился съ нимъ обыкновенный припадокъ и онъ самъ наткнулся на ножъ! Идите, граждане, по домамъ! молитесь за упокой души невиннаго младенца и не возмущайтеся напрасно!

«Душегубецъ! злодѣй! Цареубійца!» раздались вдругъ голоса въ народѣ, и градъ каменьевъ посыпался на Битяговскаго. Злодѣй искалъ спасенія во дворцѣ, но народъ схватилъ его и тамъ, онъ былъ вытащенъ оттуда вмѣстѣ съ клевретомъ своимъ Третьяковымъ.

— Смерть убійцамъ! загремѣли тысячи голосовъ, и преступники пали подъ тяжкими ударами. ..

— Говори, злодѣй! говори, нечестивецъ вскричалъ горожанинъ съ черною бородою, замахиваясь камнемъ на Битяговскаго, который лежалъ уже при послѣднемъ издыханіи, — говорили, что сдѣлалъ тебѣ царе-

вичъ, за что вы пролили кровь неповинную, кто научилъ, кто подкупилъ васъ?

— Борисъ Годуновъ.... отвѣчалъ злодѣй, умоляю васъ, пощадите меня, я невиноватъ, я исполнилъ волю Годунова!....

Камень засвисталъ въ рукѣ горожанина, черная кровь злодѣя брызнула неподалеку святой крови праведника — и Битяговскаго не стало....

Другая толпа явилась предъ Розрядною избою, куда скрылся въ смятеніи Данила Битяговскій съ двоюроднымъ братомъ своимъ, Никитою Качаловымъ, и ихъ ожидала подобная участь. Двери избы были разломаны, и злодѣи пали, засыпанные грудою камней...

Чрезъ нѣсколько часовъ тѣло убіеннаго царевича перенесено было въ церковь Спаса; но волненіе народное еще не умолкало. Домъ Битяговскаго былъ разграбленъ, слуги его убиты, а скрывавшійся тамъ по-

слѣдній злодѣй, Осипъ Волоховъ, преведенъ къ церкви и умерщвленъ въ глазахъ царицы.... подтвердивши признаніе Михайлы Битяговскаго и наименовавши главнаго виновника Димитріевой смерти — Бориса Годунова.

Во время этого мятежа, какая-то нищая поспѣшно вышла изъ города, въ рукѣ ея былъ страннический посохъ, за плечами котомка; она быстро пошла по Московской дорогѣ, держась ближе къ перелѣску, и тщательно скрывалась отъ взоровъ пѣшеходцевъ.... Это была юродивая Агаѳья....

ГЛАВА ЧЕТВЁРТАЯ,

Избраніе Бориса Годунова на царство.

Народные толки о кончинѣ царя Ѳеодора Іоанновича. — Царица Ирина Ѳеодоровна. — Новодѣвичій конастырь. — Хитрость Годунова. — Усердіе народа. — Торжественное посольство. — Патріархъ Іовъ. — Вѣнчаніе Бориса на царство.

Всѣмъ извѣстны событія, послѣдовавшія за убіеніемъ неповиннаго царевича. — Самъ *виновникъ* преступленія былъ *судьею*. — Пристрастное слѣдствіе, производителемъ коего былъ князь Василій Ивановичь Шуйскій, оправдало виновныхъ и казнило невинныхъ. Родственниковъ царицы, всѣхъ

пашли, сослали въ отдаленные города и заточили въ темницу; ее, несчастн мать убіеннаго, постригли и отослали въ дальній монастырь; тѣло злодѣевъ, Битяговскаго и товарищей его, кинутыя Углицкимъ народомъ въ яму, вынули и предали землѣ съ честію; гражданъ, объявленныхъ убіѣцами невинныхъ, казнили и ссылали; Угличъ опустѣлъ. — Но святая церковь, почитающая останки младенца-мученика, заповѣдала намъ чтить память святаго угодника, а безпристрастная молва современниковъ и святая истина, разорвавши мракъ ложныхъ выдумокъ, передала изъ рода въ родъ вѣчное проклятіе убійцамъ! ...

Не долго жилъ и царь Ѳеодоръ Іоаннович; онъ скончался безвѣтный, завѣщавши державу свою осиротѣвшей супругѣ своей Иринѣ, сестрѣ Бориса Годунова. Въ народѣ носился слухъ, что Годуновъ былъ причиною кончины зятя-государя; историки отвергаютъ

этотъ слухъ, который впрочемъ имѣлъ свое основаніе: тотъ, кто поднялъ руку на брата своего государя, кто принялъ на себя кровь девятилѣтняго младенца — конечно могъ рѣшиться и на второе преступленіе.

Въ девятый день, послѣ кончины царя, Ирина Ѳеодоровна переѣхала въ Новодѣвичій монастырь и постриглась въ монахини.... Вѣнецъ Мономаховъ, къ которому такъ дѣятельно стремился Годуновъ, былъ въ рукахъ его, но Борисъ былъ слишкомъ хитръ, чтобъ возбудить на себя прямое подозрѣніе народа; онъ зналъ, что престолъ, рано ли, поздно ли, будетъ принадлежать ему, и пошелъ къ своей цѣли другими путями... Онъ заключилъ себя въ монастырѣ, вмѣстѣ съ Ириною, и, дотолѣ дѣятельный и честолюбивый, плакалъ и отказывался отъ управленія государствомъ. Духовенство, чиновники и народъ единогласно избрали его царемъ Россіи и отправились умолять, да пра-

вить онъ судьбою царства. Годуновъ отрекся рѣшительно. Чрезъ шесть недѣль собрались въ Кремлѣ чины и граждане изъ всего государства, и подтвердили избраніе Годунова. — Они объявили ему, что онъ избранъ уже не Москвою, а всею Россіею; но Годуновъ былъ непреклоненъ, выслалъ изъ монастыря *искусителей*, и не велѣлъ имъ возвращаться. — Остановимся здѣсь историческою выпискою и будемъ продолжать разсказъ свой....

Было уже далеко за полночь, но во всей Москвѣ горѣли огни; готовились къ какому-то великому дѣйствію. Съ разсвѣтомъ дня раздался во всей столицѣ торжественный звукъ колоколовъ, и бѣлокаменная пришла въ движеніе. — Всѣ храмы и домы отворились; народъ тѣснился на площадяхъ. Па-

тріархъ и владыки несли иконы знаменитыя славными воспоминаніями, Владимірскую Донскую, какъ святыя знамена отечества; за клиромъ шли синклитъ, дворъ, воинство, приказы, выборы городовъ; за ними устремились и всѣ жители Московскіе, граждане и чернь, жены и дѣти ... вся торжественная процессія отправилась къ Новодѣвичьему монастырю.

Въ это время Годуновъ сидѣлъ въ кельи сестры своей и, *повидимому*, удивленный торжественнымъ звукомъ колоколовъ, бросилъ вопросительный взглядъ на вѣнценосную монахиню ...

— Ты спрашиваешь меня о причинѣ этого звона, сказала Ирина, — но тебѣ, Борисъ Ѳедорычъ, должно быть извѣстно это лучше меня! Братъ! мнѣ жаль тебя! жаль какъ *брата*, котораго выносила мать въ одной со мною утробѣ; знаешь ли ты какое тяжкое бремя предстоитъ тебѣ? — ты

уменъ, ты опытенъ, искусенъ въ наукѣ государственнаго управленія, и потому долженъ понимать вполнѣ всю тягость этой обязанности....

Годуновъ сдѣлалъ движеніе, какъ бы желая отвѣчать; но царица остановила его: «выслушай прежде меня! ты могъ скрыть отъ народа свои сокровенныя мысли, ты умѣлъ ослѣпить его, но я все вижу, все знаю; тебя прельщаетъ царскій вѣнецъ, и ты его получишь; скажи же мнѣ, хорошо ли обдумалъ ты свой поступокъ, заглянулъ ли ты въ прошедшее, разгадалъ ли будущее, наконецъ увѣренъ ли ты въ томъ, что никогда слеза раскаянія не омрачитъ свѣтлыхъ дней твоей жизни?... Если мысль эта не приходила тебѣ въ голову, то обдумай теперь, еще есть время!....»

— Поздно, матушка царица; спустя лѣто въ лѣсъ по малину не ходятъ! раздался позади ихъ голосъ. Царица и Годуновъ съ

удивленіемъ оглянулись — предъ ними была юродивая. — Эхъ! матушка царица, продолжала Агаѳья баясь, — хочешь ты переговорить Ѳедорыча, вѣдь онъ у насъ на Руси слыветъ первымъ грамотникомъ, такъ ужъ гдѣ намъ съ нимъ рѣчи разводить?... Да и то сказать, Богъ съ нимъ, не мы въ дѣлѣ, не мы и въ отвѣтѣ! — Что ты хочешь сказать этимъ, Агаѳья? спросилъ Годуновъ, глядя ласково на таинственную женщину.

— Ничего, Ѳедорычъ, ничего! отвѣчала простодушно юродивая, — вѣдь сегодня тебя патріархъ святой благословитъ на царство, такъ вотъ я и пришла тебя поздравить, авось какъ будешь царемъ, не позабудешь и меня горемычную, дашь теплый уголокъ. Не грѣхъ, родимой, право не грѣхъ пріютить меня, вѣдь, по твоей милости, мнѣ въ Угличъ-то и глазъ нельзя показать. Жаль, что Михайлушко-то не увернулся отъ Угличанъ, теперь и ему бы отъ тебя было те-

пленько, небось пожаловалъ бы его княземъ, наградилъ бы казной, посадилъ въ думу, никто бы и памекпуть несмѣлъ, что руки-то у него въ крови....

Годуновъ поблѣднѣлъ и, желая скрыть свое смущеніе, спросилъ: «что дѣлается въ Москвѣ, Агаѳьюшка?»

— Ужъ будто ты и не смекаешь, Ѳедорычъ, отвѣчала юродивая, — полно, родимый, хитрить передо мною; Агаѳья человѣкъ слѣпой, не грамотной. Вѣстимо что дѣлается: патріархъ съ иконами, чины и народъ идутъ сюда, да знать ужъ и близко, слышишь и въ монастырѣ затрезвонили.

Въ самомъ дѣлѣ на колокольнѣ монастыря начался звонъ, и Борисъ, схвативши шапку, оставилъ келью....

Торжественная процессія, предводительствуемая патріархомъ Іовомъ, останови-

лась передъ воротами монастыря. На встрѣчу патріарху вынесли икону Смоленской Богоматери; за симъ образомъ шелъ и Годуновъ, какъ бы изумленный столь необыкновенно - торжественнымъ церковнымъ ходомъ, палъ ницъ передъ иконою Владимірскою, обливался слезами и воскликнулъ: «О мати Божія! Что виною Твоего подвига? Сохрани, сохрани меня подъ кровомъ Твоимъ! ..» Потомъ онъ обратился къ Іову и съ видомъ укоризны сказалъ ему: «Пастырь великій! ты дашь отвѣтъ Богу!»

— Сынъ возлюбленный! отвѣчалъ патріархъ, — не спѣдай себя печалію, повѣрь Провидѣнію!

Сказавши это, патріархъ пошелъ въ церковь святой обители съ духовенствомъ и людьми знатнѣйшими, народъ стоялъ въ оградѣ и внѣ монастыря, занимая все пространство Дѣвичьяго поля. Отпѣвши соборомъ литургію, патріархъ снова началъ убѣ-

ждать Бориса не отвергать короны — но тщетно; тогда Іовъ приказалъ нести иконы къ келліи царицы и тамъ со всѣми святителями и чинами упалъ до земли.... Въ то же мгновеніе, по данному знаку, все безчисленное множество людей, въ келліяхъ, въ оградѣ и внѣ монастыря, упало на колѣни съ воплемъ *неслыханнымъ*: всѣ требовали царя, отца, Бориса! Матери кинули на землю дѣтей, грудныхъ младенцевъ, и не слышали ихъ крика! ... Никто не возьмется рѣшить, что превышало, лицемѣріе Годунова, или всеобщее усердіе; знаменитый исторіографъ намъ говоритъ, что въ эту минуту искренность побѣждала притворство, что вдохновеніе дѣйствовало, что вдохновеніе дѣйствовало и на разумныхъ и на самыхъ лицемѣровъ!....

Патріархъ, чины и народъ умоляли царицу, которая, бывъ до того времени нечувствительною, вдругъ прослезилась и сказала:

«По изволенію Всесильнаго Бога и Пречистыя Дѣвы Маріи, возьмите у меня единороднаго брата на царство, въ утоленіе народнаго плача. Да исполнится желаніе сердецъ вашихъ, ко счастію Россіи! Благословляю избраннаго вами и передаю Отцу Небесному, Богоматери, Святымъ Угодникамъ Московскимъ, и тебѣ, патріарху, и вамъ, святители, и вамъ, бояре!.... Да заступитъ мое мѣсто на престолѣ!....

Всѣ упали къ ногамъ царицы, которая печально взглянула на Бориса и сказала:— Иди! владѣй царствомъ Русскимъ, будь отцемъ своего народа, защитникомъ невинности, страхомъ враговъ отчизны, кормильцемъ вдовъ и сиротъ!

Борисъ зарыдалъ: — свидѣтельствуюсь Окомъ Всевидящимъ, сказалъ онъ рыдая,—что я не искалъ и не желаю предстоящей почести: одно мое желаніе — жить при тебѣ, государыня, и смотрѣть на твое лицо анге-

льское. — Страшусь возложить, на слабыя рамена свои столь тягостное бремя, и робкимъ умомъ своимъ я никогда не дерзалъ возноситься до сей высоты, ужасной для всякаго смертнаго. А потому молю тебя, государыня, если не изъ любви ко мнѣ, ты, хотя изъ единаго милосердія, не предавай меня въ жертву трона!.... Рыданія заглушили слова Бориса, но царица отвѣчала рѣшительно: — иди! исполни то, что я говорила тебѣ!....

Годуновъ поклонился и какъ бы въ сокрушеніи духа воскликнулъ: — Буди же святая воля Твоя, Господи! Настави меня на путь правый и не вниди въ судъ съ рабомъ Твоимъ! Повинуюсь Тебѣ, исполняя желаніе народа!....

Святители и вельможи упали къ ногамъ Бориса, и патріархъ поспѣшилъ возвѣстить народу, что Господь даровалъ имъ царя.

Невозможно, пишетъ историографъ, изобразить общей радости. Всѣ славили Бога, плакали и поздравляли другъ друга. Отъ келлій царицыныхъ до всѣхъ концовъ Дѣвичьяго поля гремѣли клики: *Слава! слава!..*

Окруженный вельможами, тѣснимый народомъ, Борисъ вслѣдъ за духовенствомъ пошелъ въ храмъ Новодѣвичьей обители, гдѣ патріархъ благословилъ его на царство, и возгласилъ ему первое многолѣтіе!...

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Инокъ Григорій.

Царствованіе Годунова.—Построеніе Ивана-Великаго.—Отецъ Пименъ.—Юродивая.—Инокъ Григорій.—Побѣгъ его изъ монастыря.

Изъ ничтожества возвысившись до величія престола, Борисъ не только мудрыми дѣлами, но и пышностію царскою желалъ придать блескъ своей власти. Во время голода, угнетавшаго Россію съ 1601 по 1603 годъ, Годуновъ сыпалъ деньгами и истощалъ казну царскую на подаянія и пособія бѣднымъ.

Обстраивалъ Кремль, и ему-то обязаны мы построеніемъ знаменитой колокольни *Ивана Великаго*, носящей названіе сіе потому, что въ ней есть церковь во имя *Іоанна Списателя Лѣствицы* и по огромности размѣра. Но былъ ли Годуновъ покоенъ на престолѣ, могъ ли заглушить многотрудными занятіями царственными угрызенія совѣсти—эту тайну онъ унесъ съ собою въ могилу. Судьба не дремала: вскорѣ явился человѣкъ, который былъ причиною гибели Бориса...

Въ уединенной кельѣ Чудова монастыря сидѣлъ почтенный старецъ за дубовымъ столомъ, на которомъ лежали свертки бумагъ; онъ былъ пристально занятъ разсматриваніемъ старинной, ветхой хартіи... Передъ нимъ помѣщался молодой инокъ, довольно обыкновенной и даже грубой наружности, и что-то записывалъ со словъ старца. Его

рыжіе, гладкіе волосы въ безпорядкѣ падали на черное полукафтанье, а каріе, быстрые глаза, устремляемые по временамъ на почтеннаго собесѣдника, сверкали какимъ-то огнемъ хитрости и коварства.

Долго занимались они своею работою, которая шла довольно медленно; наконецъ въ монастырѣ ударили къ вечернѣ. Старецъ бережно собралъ хартіи, заперъ ихъ въ поставецъ и подалъ знакъ молодому иноку. Они вышли и отправились въ церковь.

При входѣ во храмъ стояла юродивая, и подошедши подъ благословеніе старца, сказала: — благослови, отецъ Пименъ!.... Старецъ благословилъ ее.—Благослови же и его, прибавила Агаѳья; указывая на молодаго инока, — благослови и Григорья, батюшка! Ему благословеніе нужнѣе меня! Подойди,

Григорьюшко, продолжала она, обращаясь къ сему послѣднему,—прими благословеніе, да подп помолись съ усердіемъ, авось Господь умилостивится.... Жаль мнѣ тебя, человѣкъ ты молодой, долго ли войти во искушеніе.— Юродивая начала класть земные поклоны— и не введи насъ во искушеніе, но избави насъ отъ лукаваго!—произнесла она въ полголоса; потомъ остановилась, пристально поглядѣла на Григорія и сказала:—вотъ какъ надобно молиться, а не по твоему—ты стоишь у престола Божьяго, а мысли-то твои и не вѣсть гдѣ разгуливаютъ; помни, мой голубчикъ: отъ людей мы можемъ скрыть свои мысли и подъ клобукомъ и подъ фатою, а ужь отъ Господа — ничто не сокрыто... Ступай же молись, да впередъ никогда не ходи во дворецъ и не слушай разговоровъ злыхъ людей; тамъ пожалуй наговорятъ тебѣ, что ты и красавецъ, и разумникъ, и похожъ на царевича, и то и другое — не вѣрь ни

чему... Бдите и молитеся, да не внидите въ напасть....

Юродивая отошла на прежнее мѣсто и начала молиться со слезами. — Отецъ Пименъ пристально взглянулъ на молодаго инока и спросилъ: — Что это значитъ, Григорій?.... Сей послѣдній улыбнулся, пожалъ плечами и отвѣчалъ: — Не понимаю, что говоритъ она; извѣстно тебѣ, отецъ мой, что она помѣшанная, всегда говоритъ рѣчи загадочныя и трудно понимать ее.

— Не должно ни о комъ судить такъ, Григорій! замѣтилъ старецъ; блюдите, да не презрите единаго отъ малыхъ сихъ!.... глаголетъ Господь; Онъ умудряетъ и слѣпцовъ и буіихъ.... Слова ея что нибудь да значатъ; берегись! я самъ замѣчаю въ тебѣ что-то не доброе.

На другое утро старецъ, проснувшись при первомъ ударѣ въ колоколъ, который призывалъ къ утренней молитвѣ, нашелъ постелю Григорія пустою.... Инокъ неизвѣстно куда скрылся....

КОНЕЦЪ ПЕРВОЙ ЧАСТИ.

ОГЛАВЛЕНІЕ

ПЕРВОЙ ЧАСТИ.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Замыслы Годунова.

Стран.

Юродивая въ теремѣ Годунова.—Тайное совѣщаніе.—Дьякъ Михайло Битяговскій. — Царевичъ, Богомъ спасаемый.—Ядъ не дѣйствуетъ.—Страшный замыселъ. 7

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Роковое Совѣщаніе.

Дворецъ царевича въ Угличѣ.—Царица Марія Ѳеодоровна.—Царевичъ Димитрій. — Опять юродивая — Ея таинственныя предсказанія. — Тайное совѣщаніе злодѣевъ. 21

ГЛАВА ТРЕТІЯ.

Убіеніе Царевича Димитрія.

Стран.

Роковой день (15 мая 1591 года).—Зловѣщій сонъ Ирины Ждановой.—Предательница-мамка. — Убійцы. — Смерть девятилѣтняго праведника.—Тревога.—Пономарь Огурецъ—Казнь злодѣевъ. . . 37

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Избраніе Бориса Годунова на Царство.

Народные толки о кончинѣ царя Ѳеодора Іоанновича.—Царица Ирина Ѳеодоровна. — Новодѣвичій монастырь. — Хитрость Годунова. — Усердіе народа. — Торжественное посольство. — Патріархъ Іовъ. — Вѣнчаніе Бориса на царство. . 49

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Инокъ Григорій.

Стран.

Царствованіе Годунова. — Построеніе Ивана-Великаго. — Отецъ Пименъ. — Юродивая. — Инокъ Григорій. — Побѣгъ его изъ монастыря. 62

ИВАНЪ ВЕЛИКОЙ.

СОЧ. В. ПОТАПОВА.

ИВАНЪ ВЕЛИКОЙ,

или

ТАИНСТВЕННАЯ ЮРОДИВАЯ.

ИСТОРИЧЕСКІЙ РОМАНЪ

ВРЕМЕНЪ БОРИСА ГОДУНОВА, ЛЖЕДИМИТРІЯ
И ЦАРЯ ВАСИЛІЯ ІОАННОВИЧА ШУЙСКАГО.

ВЪ ДВУХЪ ЧАСТЯХЪ.

Соч. В. Ѳ. Потапова.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

„Ты раскройся передо мною, старина матушка, развернитесь лѣтописи минувшихъ лѣтъ!....“

В. П.

МОСКВА.
Изданіе книгопродавца Манухина.
1868.

Дозволено Цензурой. Москва, 28-го Августа, 1867 года.

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА
917200

ПЕЧАТАНО СЪ ИЗДАНІЯ 1857 г.

въ Тип. Назаровой, на Мясницкой, въ Злат. пер. противъ Монастыря, д. Воейкова. 1634.

«Здѣсь Русской духъ, здѣсь Русью пахнетъ!
«Люблю я Русь, горжусь быть Русскимъ,
«И мнѣ тотъ жалокъ *сибаритъ*,
«Что, за романомъ за Французскимъ,
«Съ утра до полночи сидитъ!
«Твореній Русскихъ — не читаетъ
«И письма пишетъ *en Français*,
«По модѣ, важно, выступаетъ.
«Ногами дѣлаетъ *глисэ*?
«Что шагъ — то новая затѣя
«И все на иностранный ладъ,
«И даже сдѣлать изъ лакея —
«Француза чистаго хотятъ....
«Чтобъ, на вопросы, по-французски
«Онъ имъ наивно отвѣчалъ....
«Ну! словомъ, чтобъ манеры Русской
«Никто во ихъ домѣ не видалъ!...
«Не для такихъ — прости ихъ Боже! —
«Трудимся мы, не имъ читать.

II

«Да и скажите—для чего же
«Ихъ отъ Французовъ отвлекать!...
«Пусть иностранныхъ сочиненій
«Себѣ накупятъ у *Рено*
«И подъ залогъ своихъ имѣній,
«Пьютъ иностранное вино!
«Но кто усерденъ и къ родному,
«Кто старину святую чтитъ,
«Тотъ, сочиненью небольшому
«Пусть часъ досужный посвятитъ!
«Въ немъ нѣтъ — *событій невозможныхъ*,
«*Неистовыхъ картинъ* въ немъ нѣтъ,
«Нѣтъ *мнѣній странныхъ*, *мнѣній ложныхъ!*
«*Разскащикъ* я — а не *поэтъ!*
«За сочиненіе простое
«Пусть мнѣ спасибо подарятъ....
«Спасибо Русское, родное....
«И я безъ мѣры буду радъ!...»

Василій Потаповъ.

ИВАНЪ ВЕЛИКОЙ

„Дѣла давно минувшихъ дней,
„Преданье — старины глубокой...“
А. С. Пушкинъ.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Смерть Бориса Годунова.

Извѣстія о Самозванцѣ. — Гришка Отрепьевъ. — Измѣна Боярина Басманова. — Отчаяніе Бориса. — Предсказаніе юродивой. — Кончина Бориса — Царь Ѳеодоръ Борисовичъ.

На городскихъ часахъ пробило 6 часовъ; день только еще начинался, но царь Борисъ уже давно трудился въ своемъ рабочемъ теремѣ; двери терема почти не затворялись, въ нихъ безпрерывно входили и вы-

ходили бояре, получали приказанія и грамоты; всѣ суетились; отъ дворца и къ дворцу безпрестанно скакали гонцы; — истомленное лице и опухшіе глаза Годунова доказывали, что онъ провелъ всю ночь безъ сна, въ трудахъ. Это было время, то самое время, когда судьба приготовила Борису тяжкое испытаніе ва *минувшее*, время появленія Самозванца, который уже находился внутри Россіи, и овладѣвши уже нѣсколькими городами, такъ сказать, раздѣлялъ съ Борисомъ царственную власть.

Передъ царемъ стоялъ родственникъ его, Семенъ Годуновъ.

— Увѣряю тебя, государь, говорилъ сей послѣдній,—что ты изволилъ сдѣлать ошибку, отправивши туда эту сумасшедшую; помни мое слово, что она передается этому разстригѣ и можетъ много повредить тебѣ; мы, вѣрные рабы твои, докладывали тогда, что надобно послать людей, болѣе опытныхъ

въ честности. Припомни самъ, когда ты поручалъ ей всыпать въ кушанье или въ питье этого разбойника заморскаго снадобьица — она первоначально колебалась, потомъ какъ будто согласилась; наконецъ когда ты потребовалъ отъ нее клятвы—она рѣшительно отказалась. Неявно ли, что она помышляла объ измѣнѣ?....

— Правда твоя, Семенъ, отвѣчалъ Борисъ вздохнувши, — мы дали промахъ, мы поступили неосновательно, но прошедшаго не воротишь; будемъ же ожидать, чѣмъ все кончится.... Ба, ба, ба! продолжалъ Годуновъ съ удивленіемъ, — Агаѳья! ты здѣсь, а мы, вотъ съ Семеномъ, только сей-часъ о тебѣ говорили, и, признаться, ожидая тебя такъ долго, начинали сомнѣваться въ твоей вѣрности.... Ну что новаго Агаѳьюшка?....

— Много, государь, много и новаго и стараго, отвѣчала юродивая поклонившись; —

изволь выслушать, я разскажу тебѣ все по порядку: ты поручилъ мнѣ удостовѣриться ся, дѣйствительно ли тотъ человѣкъ, который называетъ себя Димитріемъ царевичемъ, есть бѣглый иноkъ Григорій. Хоть въ этомъ еще и нѣтъ большой важности, кто бы онъ ни былъ;—вѣдь тебѣ извѣстно государь, что царевичъ Димитрій скончался; да! тебѣ лучше другаго извѣстно, что царевичъ зарѣзанъ... виновата, наткнулся на ножъ, хотѣла я сказать (прибавила юродивая, замѣтивши, что Борисъ нахмурилъ брови), — ну вотъ! стало быть ты не сомнѣваешься и въ этомъ, что мертвые изъ могилъ не встаютъ,—дѣло въ томъ, что этотъ обманщикъ, выдающій себя за царевича, тебѣ опасенъ: городъ за городомъ передаются ему, войска переходятъ на его сторону, бояре оставляютъ тебя и присоединяются къ нему....

Царь видимо терялъ терпѣніе; но Агаѳья спокойно продолжала: — Все это тебѣ извѣ

стно лучше меня и я не стану повторять нѣсколько разъ одно и тоже... Прошедшаго не воротишь, но какъ это все уже случилось, то нехудо бы подумать, Ѳедорычъ, не посылаетъ ли Господь тебѣ наказаніе за минувшіе грѣхи, не худо бы, Ѳедорычъ, покаяться. Ты сыплешь золото бѣднымъ, но вѣдь тебѣ не жалко его, потому что вынимаешь не изъ своего кармана, — казна царская неистощима; ты одѣваешься въ платье цвѣтное, строишь хоромы золотые,—но какъ ни свѣтло твое платье, какъ ни богаты твои хоромы, они не успокоятъ твоей совѣсти, не развеселятъ тебя, если на душѣ темно какъ въ могилѣ; ты выстроилъ Ивана Великаго, на удивленіе Москвѣ бѣлокаменной, на удивленіе всей Св. Руси, громко гудитъ на немъ царьколоколъ, но этотъ гулъ не въ силахъ заглушить голоса совѣсти, которая твердитъ тебѣ: Борисъ! Царь Борисъ! покайся! Почему знать, можетъ

быть вечерній звонъ этого колокола сегодня же возвѣститъ, что Бориса не стало, что царь Борисъ отозванъ на справедливый судъ Судіи невидимаго!....

Годуновъ поблѣднѣлъ. — Перестань, Агаѳья, говорить рѣчи праздныя, сказалъ онъ, — я мало вѣрю твоимъ предсказаніямъ, и не тебѣ испугать меня. Скажи лучше, что развѣдала ты о Самозванцѣ?....

— Развѣдывать было нечего, государь: какъ только я взглянула на него, тотчасъ же узнала, что это бывшій инокъ Чудова монастыря, Григорій. Въ мірѣ его звали Юріемъ Отрепьевымъ, родные его и по сіе время живутъ въ Галичѣ. Ну! теперь Григорій сталъ не то, что былъ въ Москвѣ, къ нему доступъ труднѣе, чѣмъ къ тебѣ, Ѳедорычъ; одѣвается онъ, какъ и ты, въ платье цвѣтное, а прислуги-то, прислуги и не пересчитаешь — и Польскіе паны и Русскіе бояре..... Да! между Русскими-то боя-

рами я увидѣла одного, котораго имя, если выговорить тебѣ, такъ ты и не повѣришь....

— Какъ! новая измѣна! вскричалъ Борисъ, вскочивши съ кресель. Въ это время вошедшій боярин доложилъ царю, что прискакалъ отъ войска гонецъ, и подалъ грамоту. Борисъ развернулъ, началъ читать и въ изнеможеніи опустился въ кресла. —Возвеличенный, облагодѣтельствованный, прославленный и обогащенный мною, ты измѣнилъ, ты предалъ, предпочелъ меня, законнаго своего государя, и кому же?—бродягѣ, вору, самозванцу!.... сказалъ онъ въ раздумьи; потомъ, обратившись къ юродивой, спросилъ: — Ты говорила мнѣ о Басмановѣ? Агаѳья сдѣлала утвердительный знакъ.

— О Басмановѣ? спросилъ въ свою очередь Семенъ Годуновъ, — о Петрѣ Басмановѣ?... Неужели измѣнилъ и онъ?.... Быть не можетъ!

— Однако же случилось! отвѣчалъ Бо-

рисъ съ горькою улыбкою; — измѣнилъ и передался Самозванцу съ своимъ отрядомъ!

— Ѳедорычъ! Провидѣніе не дремлетъ! Царь Борисъ, покайся: часы паши изочтены, должно быть готову на каждый часъ; плохо умирать, дурно умирать, когда душа въ разладѣ съ совѣстью!.... Юродивая сказала эти слова торжественнымъ голосомъ и вышла.....

Въ полдень Борисъ сѣлъ за трапезу; грусть покрывала лице его, онъ мало ѣлъ и мало пилъ; молча сидѣлъ онъ за столомъ, и живой, всегда увлекательный разговоръ его не занималъ собесѣдниковъ. Вдругъ въ половинѣ трапезы онъ поблѣднѣлъ, зашатался въ креслахъ и кровь хлынула изъ гортани. Всѣ взволновались, бросились къ царю, перенесли его въ опочивальню, призвали иноземныхъ врачей, послали за патріархомъ.

Борисъ метался въ постелѣ, и подозвавши къ себѣ сына своего Θеодора, сказалъ ему:—Непаглядный мой! минуты мои изочтены, скоро ты останешься единственною подпорою матери и сестры, владыкою царства Русскаго! Горько мнѣ оставлять тебя, юнаго, неопытнаго юношу въ эти смутныя времена, постигшія отечество, когда престолъ колеблется, и вѣнецъ Мономаха не твердъ будетъ на головѣ твоей; прими же отъ меня послѣдній завѣтъ мой, какимъ нѣкогда покойная сестра, а твоя тетка напутствовала меня къ престолу: владѣй царствомъ Русскимъ, будь отцомъ своего народа, защитникомъ невинности, страхомъ враговъ отечества, кормильцемъ.... Годуновъ не могъ кончить, голова его опустилась на пуховое изголовье, и онъ едва внятнымъ голосомъ произнесъ: патріарха, ради Бога, скорѣе патріарха!

Вскорѣ явился патріархъ, и начался обрядъ пострищенія....

Чрезъ полчаса Борисъ принялъ схиму; прошло еще полчаса, и Бориса не стало. Въ это время царь-колоколъ на Иванѣ Великомъ ударилъ къ вечернѣй молитвѣ.

Предсказаніе юродивой сбылось.—Народъ толпился предъ дворцомъ; горестная молва мгновенно разнеслась по бѣлокаменной, всѣ съ петерпѣніемъ ожидали роковой вѣсти—и вѣсть эта принесена: царь Борисъ скончался, и на осиротѣлый престолъ св. Руси возведенъ сынъ его, Ѳеодоръ Борисовичъ Годунов!....

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Лжедимитрій въ Москвѣ.

Царствованіе Лжедмитрія.—Пріѣздъ государыни Маріы Ѳеодоровны, въ Москву.—Юродивая.—Князь Василій Ивановичъ Шуйскій.—Марина Мнишекъ.—Опять юродивая.—Ея предсказанія.

Наконецъ Лжедимитрій былъ въ Москвѣ, на престолѣ законныхъ государей.— Большая половина вѣрила выдуманной имъ сказкѣ, будто бы онъ, особеннымъ случаемъ, спасся отъ рукъ подкупленныхъ Годуновымъ убійцъ, вѣрила тому, что онъ есть истинный сынъ Іоанна Грознаго. Нѣкоторые сомнѣвались въ томъ; не многіе знали, кто именно сидитъ

на престолѣ, но никто не изъявлялъ мыслей своихъ вслухъ; Москва была уже свидѣтельницею безначалія, св. Русь перетерпѣла много бѣдствій отъ иноземцевъ въ то время, когда колебался престолъ ужасами междуусобія, и Москва повиновалась Лжедимитрію, и Русь молчала. Легко бы могло статься, что Лжедимитрій упрочилъ за собою престолъ, если бы умѣлъ или, лучше сказать, старался пріобрѣсти довѣріе и заслужить любовь народа Русскаго. Но судьбы Всевышняго неисповѣдимы! Провидѣніе бдило надъ нашимъ благословеннымъ отечествомъ, и пославши, въ лицѣ Самозванца, предкамъ нашимъ наказаніе, уже приготовляло месть свою извергу, дерзнувшему принять имя вѣнценоснаго мученика и бразды правленія надъ святымъ царствомъ: Самозванецъ, облагодѣтельствованный королемъ Польскимъ Сигизмундомъ и его вельможами, обязанный имъ своимъ необыкновеннымъ возвышеніемъ, далъ королю, вельможамъ и Іезуи-

тамъ, втайнѣ обѣщаніе ввести въ Россіи католическую вѣру, уступить Польшѣ нѣкоторые города, и въ залогъ такого обѣщанія предложилъ свою руку дочери Сендомирскаго воеводы Мнишка—Маринѣ. Вскорѣ по пріѣздѣ Самозванца въ Москву—въ Кремлѣ открылся Польскій костелъ, Іезуиты открыто проповѣдывали свое ученіе; носился слухъ, что самъ Лжедимитрій держится Латинской вѣры; это подтверждалось тѣмъ, что онъ носилъ Польское платье, не ходилъ въ Русскую церковь, любилъ музыку, танцы и псовую охоту, обращался ласково съ иноземцами, предпочиталъ Поляковъ Русскимъ, прощалъ первымъ всѣ ихъ проступки и сквозь пальцы смотрѣлъ на ихъ неистоства.... Вотъ обстоятельства, которыми онъ возбудилъ противъ себя негодованіе Москвичей: искра тлѣла, но таилась еще, ожидая вѣтра,—рано ли, поздно ли—пожаръ долженъ былъ вспыхнуть....

Москва готовилась къ какому-то торжеству; на улицахъ и въ кремлѣ было разставлено Русское войско въ парадныхъ кафтанахъ и воины Нѣмецкой дружины въ богатомъ вооруженіи съ серебряными сѣкирами. Толпы народа помѣщались за воинами. Всѣ ожидали съ нетерпѣніемъ, пока начнется поѣздъ изъ дворца. Это была встрѣча, приготовленная царицѣ Маѳѣ Ѳеодоровнѣ, матери царевича Димитрія, которая жила въ заточеніи и, изъ Маріи переименованная именемъ Марѳы, влачила дни одинокой жизни въ горести и скукѣ. Самозванецъ, желавшій болѣе вѣроятія своей выдумкѣ, какъ доказываютъ нѣкоторые, посылалъ приближенныхъ къ себѣ людей въ мѣсто заточенія царицы съ тайнымъ порученіемъ предложить ей возвращеніе въ Москву и жизнь, свойственную матери Русскаго государя, на томъ единственно условіи, если она согласится торжественно признать его своимъ сыномъ. Послѣдствія доказали,

что предпріятіе Лжедимитрія удалось, хотя потомъ царица торжественно же отреклась отъ него, объясняя, что вынуждена была къ подобному поступку своимъ горестнымъ положеніемъ и страхомъ. Будемъ ли упрекать мы несчастную страдалицу въ потворствѣ Самозванцу, зная всѣ приключенія ея горестной жизни и принимая въ соображеніе то обстоятельство, что ей уже ничего не оставалось дѣлать въ то время, когда вся Россія признала Лжедимитрія царемъ своимъ, или признать его сыномъ, или впасть еще въ большее несчастіе, которые бы неминуемо могло ее постигнуть, если бы она рѣшилась изобличить обманщика?..

Поѣздъ начался. Впереди ѣхалъ, на бѣломъ, отличномъ конѣ, Лжедимитрій, въ Польскомъ кафтанѣ голубаго цвѣта, обложенномъ золотыми шнурами, наподобіе венгерки; золотая погайская сабля, съ рукоятью, осыпанною дорогими каменьями, висѣла при

бедрѣ; желтые, съ загнутыми носками, сапоги были окованы золотомъ, на головѣ у него была четырехугольная Польская шапка, опушенная соболемъ и украшенная бриллiантовымъ перомъ, на плечахъ висѣла алая бархатная мантiя, подбитая горностаемъ. По правую сторону Самозванца ѣхалъ бояринъ Петръ Басмановъ и надворный подскарбiй Аѳанасiй Власьевъ; по лѣвую нѣсколько Польскихъ пановъ.—Поѣздъ заключали Польскiе латники съ барсовыми на плечахъ шкурами, которыя замѣняли мантiи и были украшены огромными крыльями, и взводъ Нѣмецкой дружины.... Самозванецъ, проѣзжая по улицамъ, привѣтливо кланялся народу, войска отдавали ему честь, роговая музыка гремѣла и раздавались крики: «да здравствуетъ государь нашъ и царь Димитрiй Ивановичъ всея Русiи на многiя лѣта!»

Вскорѣ съ противоположной стороны показалась золотая карета, также сопровож-

даемая почетною дружиною,— въ ней сидѣла царица Марѳа Ѳеодоровна.—Увидавши поѣздъ, Лжедимитрій соскочилъ съ коня, всѣ послѣдовали его примѣру и отправились пѣшкомъ, на встрѣчу пріѣхавшей государынѣ.... Карета остановилась. Самозванецъ подошелъ одинъ и долго, очень долго говорилъ съ царицею такъ тихо, что никто не могъ разслушать словъ его.—Потомъ карета затворилась, поѣздъ двинулся, и Лжедимитрій шелъ пѣшкомъ около окна кареты.

Вдругъ сквозь народную толпу прорвалась юродивая и подбѣжала къ каретѣ: «Здорово матушка-царица!» вскричала она; «сколько лѣтъ, сколько зимъ не видала я твоихъ ясныхъ очей! ты ужь чай и забыла бѣдную Агаѳью, да и не мудрено! много утекло воды съ тѣхъ поръ, какъ ты уѣхала изъ Углича; устарѣла и ты, моя голубушка! и то сказать, монастырская жизнь не царской чета,— испостишься какъ разъ. Ну да слава Тебѣ,

Господи, вотъ и опять начинаешь жить по прежнему, ѣдешь себѣ въ золотой каретѣ, а царь идетъ около пѣшечкомъ.—Только воля твоя, прибавила Агаѳья вполголоса, такъ что только царица и Лжедимитрій могли слышать слова ея,—воля твоя, а этотъ сынокъ не похожъ на того, что лежалъ у тебя на рукахъ и трепеталъ какъ голубь.... Тебѣ, государыня, нельзя ошибиться, сердце родительское тотчасъ скажетъ—сынъ ли твой встрѣчаетъ тебя, или нѣтъ, смотри не отвѣть Господу Богу!» Царица не отвѣчала ни слова. Лжедимитрій бросилъ юродивой двѣ золотыя монеты и проговорилъ вполголоса: «на вотъ возьми, Агаѳья, и ступай туда, куда идешь, да больше молчи, а что знаешь—то знай про себя!».... Юродивая подняла деньги и отвѣчала также тихо: «не бойся, Григорьюшко, я не проболтнуся, не мое дѣло! Самъ ты не войди во искушеніе, прощай!» Юродивая скрылась....

Процессія кончилась.—Боярин и князь Василій Ивановичъ Шуйскій возвращался изъ дворца домой. Съ Шуйскимъ вмѣстѣ шелъ Московскій дворянинъ Валуевъ.— Они вели вполголоса рѣчь между собою:

—Чудеса изъ чудесъ, говорилъ Валуевъ,— не вчера ли ты увѣрялъ насъ Василій, Ивановичъ, что на престолѣ Св. Руси сидитъ самозванецъ, мы тебѣ и повѣрили. Глядь, нынѣ сама царица встрѣтила его какъ сына, а когда пріѣхали къ Вознесенскому монастырю, такъ она упала ему на грудь, да и почала жалостно плакать, всѣхъ насъ въ слезы привела. Воля твоя, князь, а я хоть и на попятную такъ въ ту же пору...

—Велико дѣло, отвѣчалъ князь улыбнувшись,— что царица признала его своимъ сыномъ. Есть Русская глупая пословица, что нужда заставитъ калачи ѣсть; пойдемъ къ намъ, соберутся всѣ наши и я ростолкую вамъ все какъ слѣдуетъ. Нвгъ, мой любезной, рано

ли, поздно ли, а пожаръ разгорится: нынѣ ли, завтра ли, а Самозванцу не бывать на Руси, не сидѣть на престолѣ царскомъ и намъ, коренным Русскимъ боярамъ,—не изгибаться предъ разстригою!....

Такъ разговаривали пріятели и поворотили въ вороты дома, принадлежавшаго князю Шуйскому.

Вскорѣ за въѣздомъ царицы начались приготовленія къ принятію обрученной невѣсты Лжедмитрія, дочери Сендомирскаго воеводы. Къ сожалѣнію нареченный тесть Русскаго царя не слишкомъ спѣшилъ къ мѣсту назначенія, безпрестанно останавливался, жилъ роскошно въ городахъ, чрезъ которые проѣзжалъ, и безпрерывно требовалъ отъ будущаго зятя денегъ. Наконецъ Марина прибыла въ Москву, и вскорѣ совершено было бракосочетаніе.

Марина сидѣла въ своемъ теремѣ, вмѣстѣ съ любимицею—панною Юзефиною. Обѣ онѣ, отъ нечего дѣлать, перекатывали крупный жемчугъ, который стоялъ передъ ними въ золотой чашѣ.

—Чудное дѣло, государыня, начала Юзефина, послѣ долговременной паузы,— чудное дѣло! въ Польшѣ бывало, на любомъ балѣ, стоитъ посмотрѣть на пани Марину: красива, весела, какъ птичка; а теперь— сдѣлавшись царицею обширнаго царства— она какъ будто промѣняла веселость свою на вѣнецъ; пропалъ румянецъ, который могъ бы поспорить съ любою розою.... вотъ и вздохъ, еще другой!... Не даромъ знать говоритъ наша пословица, что слава и почести, груды золота и царскій вѣнецъ не милы безъ милаго!....

—Ахъ, Юзефина! отвѣчала царица, снова вздохнувши; — зачѣмъ ты растравляешь раны бѣднаго сердца? прошедшее не воз-

вратно, моя милая, а будущее мрачно и неизвѣстно!....

— Будущее, государыня? спросила, Юзефина съ удивленіемъ:—что вы хотѣли сказать этимъ? Развѣ будущее можетъ грозить супругѣ царя Русскаго, великаго Димитрія?

— Царя Русскаго! великаго Димитрія! повторила Марина въ раздумьи.—Великого Димитрія! Если бы знали люди, какъ *великъ* этотъ Димитрій, если бы знали они, что Димитрій, сидящій теперь на престолѣ Русскомъ, также далекъ отъ царскаго происхожденія какъ земля далека отъ неба, если бы наконецъ они были увѣрены, подобно мнѣ, что въ мужѣ моемъ, предъ которымъ теперь всѣ преклоняютъ колѣна, не течетъ кровь даже и Польскаго дворянина!... Юзефина съ удивленіемъ слушала слова Марины, которая, придя въ себя и желая избѣжать любопыт-

ства своей фаворитки, посмотрѣла въ окно и сказала:—Посмотрите, панна, кто это стоитъ тамъ, предъ дворцемъ—вотъ эта женщина?

Юзефина въ свою очередъ поглядѣла въ окно и отвѣчала:—А! я знаю, это сумасшедшая, которую Москали называютъ юродивой; говорятъ, она очень удачно предсказываетъ будущее, да я этому не вѣрю! Не прикажете ли позвать ее, государыня? это очень любопытно!....

— Пожалуй позовите! отвѣчала Марина въ раздумьи. Юзефина вышла и чрезъ нѣсколько минутъ опять возвратилась, за нею вошла Агаѳья и, поклонившись царицѣ, остановилась въ углу.

— Ну, что ты мнѣ скажешь? спросила Марина, подавая ей золотую монету.

— Да что мнѣ сказать тебѣ государыня, развѣ Русскую пословицу, что чрезъ золото

лются слезы. Говорятъ, ты у себя, за моремъ, была чудо красавица, и дородная и румяная, а теперь смотри-ко,—что ты стала, вѣдь краше тебя въ гробъ кладутъ. Ты думаешь хлѣбъ ѣсть, а хлѣбъ тебя ѣстъ!

Марина и Юзефина значительно переглянулись.—Я слышала, возразила первая, что ты умѣешь предсказывать будущее и узнавать прошедшее,—разскажи же мнѣ, отчего я худѣю, чѣмъ я больна.

Юродивая улыбнулась: Тутъ не нужно быть колдуньей, чтобы сказать причину твоего горя; вотъ она въ двухъ словахъ.—Въ Польшѣ ты любила человѣка и человѣкъ тебя любилъ; здѣсь ты полюбила золото, славу, почести,—и они не грѣютъ твоего сердца, такъ и выходитъ, матушка-царица, что ты промѣняла кукушку на ястреба. И объ этомъ скучаешь! Марина снова бросила значительный взглядъ на свою фаворитку.—

Вотъ тебѣ еще денежка, скажи мнѣ, что ожидаетъ царя, моего мужа? будетъ ли онъ счастливъ?

— Что ожидаетъ? будетъ ли счастливъ? повторила Агаѳья, — а мнѣ какъ знать то, что извѣстно одному Богу? Эхъ! матушка-царица! царствомъ править не кашупы въ монастырѣ пѣть, не на конѣ гарцовать, не плясать по басурмански подъ проклятыя волынки. Царь Борисъ Ѳеодорычъ не ему былъ чета, да и тотъ скорехонько Богу душу отдалъ. Прислушивайся, матушка-царица, чаще къ звуку царя-колокола, того и гляди зазвонятъ, Москва всполошится, колоколъ замолкнетъ, и царь Димитрій прикуситъ язычекъ; берегись, матушка, будь наготовѣ. Марина задумалась, желая разгадать таинственныя слова юродивой; между тѣмъ Юзефина обратилась къ Агаѳьѣ.

— Ну! а мнѣ что ты скажешь? спросила она.

— Да что тебѣ сказать? отвѣчала юродивая, — въ Польшѣ жить привольнѣе: сюда ѣхала, не пришлось бы скоро опять отправиться на своемъ на двоемъ: вырѣжь, голубушка, зараньше для дороги дубиночку!....»

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Смерть Лжедимитрія.

Набатъ.—Мятежъ въ Москвѣ.—Убіеніе Самозванца.—Тѣла Лжедимитрія и Басманова на площади. Страшное видѣніе.—Новый царь Василій Іоанновичъ Шуйскій.—Иностранецъ Маржеретъ.—Юродивая.

Рано утромъ Москва была разбужена сильнымъ звономъ, который, начавшись въ Кремлѣ, скоро разлился по всей столицѣ безпрерывнымъ набатомъ. Народъ со всѣхъ сторонъ бѣжалъ въ Кремль; тамъ, на площади, которую мы обыкновенно называемъ *Царскою*, собрался цѣлый сонмъ Московскихъ бояръ, которые вскорѣ, подъ предводительствомъ князя Василія Ивановича

Шуйскаго и въ сопровожденіи воиновъ, двинулись ко дворцу. Въ народѣ раздавались страшные клики: «Смерть разстригѣ, смерть самозванцу!»

Князь Шуйскій, шедшій впереди съ животворящимъ крестомъ, ободрялъ всѣхъ своимъ примѣромъ, убѣждалъ не страшиться Нѣмецкой дружины, которая составляла придворную почетную стражу, и льстилъ всѣхъ надеждою, что они овладѣютъ дворцомъ и захватятъ Самозванца, безъ всякого сопротивленія — Надежды Шуйскаго не сбылись: Нѣмецкая дружина оказала самый рѣдкій примѣръ вѣрности и самоотверженія и отступила только тогда, когда увидѣла себя въ необходимости покориться многочисленности. Толпа съ яростію и кликами: «смерть самозванцу, смерть еретику!» бросилась во внутренніе покои Лжедимитрія.... Вдругъ дверь отворилась и взору толпы предсталъ бояринъ Петръ Басмановъ, съ саблею въ рукахъ.

— Что вы дѣлаете, крамольники? вскричалъ онъ,—прочь отсюда, или вы дорого заплатите за свое вѣроломство!

«Подай намъ растригу! выдай намъ еретика!» загремѣли голоса въ народѣ.

Басмановъ махнулъ нѣсколько разъ саблею, и человѣка три окровленные упали къ ногамъ его... прочіе отступили. Но въ то же время изъ толпы раздался выстрѣлъ, Басмановъ вскрикнулъ, сабля выпала изъ рукъ, онъ зашатался и рухнулся на ступени лѣстницы. «Туда тебѣ и дорога, закричало нѣсколько голосовъ: ты служилъ еретику, туда тебѣ и дорога!...» Народъ бросился въ покои.—Остатки Нѣмецкой дружины хотѣли еще сопротивляться, но что могла сдѣлать горсть *наемныхъ храбрецовъ*, противу тысячи народа, оскорбленнаго осквернѣніемъ святыни? Я говорю здѣсь о престолѣ, святость и величіе котораго Русскій человѣкъ привыкъ

почитать первымъ величіемъ, послѣ Бога *), и на которомъ возсѣдалъ обманщикъ и бродяга, осквернившій его своимъ присутствіемъ.—Одни изъ Нѣмецкихъ ратниковъ были убиты, другіе перевязаны, и толпа бѣжала впередъ, отыскивая Лжедимитрія....

Господа историки! позвольте мнѣ не въ укоръ вамъ, не съ важностію археолога, глубоко знающаго старину, но съ чистосердечіемъ, истинно Русскимъ, выставить еще одну, очень яркую черту, характеризирающую Самозванца и явно доказывающую, что онъ никогда не могъ быть истиннымъ царевичемъ, которой (т. е. *черты*), впрочемъ неизвѣстно почему, вы не изволите или не хотѣли замѣтить: раскройте Русскую исторію, прочтите ее отъ доски до доски и вы не найдете въ ней примѣра, который бы заставилъ насъ

---

*) На небесѣхъ—Царь небесный; на землѣ—богъ земной! (*Русския пословица*).

покраспѣть за вашихъ вѣнценосцевъ. Отъ глубокой древности и до нашихъ временъ—всѣ самодержцы наши были вмѣстѣ и государями и политиками, но героями во всякое время и вездѣ!.... Поступокъ Самозванца, не осмѣлившагося явиться предъ толпою оскорбленнаго имъ народа, явно доказываетъ его черную душу и его низкое произхожденіе и соединенную съ оными трусость. Лжедимитрій слышалъ народные крики: смерть *разстрить*, смерть *самозванцу*, смерть *еретику!* и однако не рѣшился явиться предъ народомъ и разувѣрить его въ противномъ, во первыхъ потому, что не имѣлъ на то средствъ и доказательствъ, во вторыхъ потому, что въ жилахъ его текла кровь не Рюрика не Мономаха, не Грознаго Іоанна, но подлаго бродяги, низкаго мѣщанина, лжеца и бѣглаго монаха; сердце не превыкло биться ни однимъ благороднымъ чувствомъ и—онъ не рѣшился, не осмѣлился предстать къ народу.

Но я продолжаю мой разсказъ. Пробѣжавши всѣ покои, народъ остановился въ недоумѣніи, что предпринять и на что рѣшиться: Самозванца нигдѣ не было! Въ толпѣ началася ропотъ.

Стрѣлецъ. Сгинулъ да пропалъ! вотъ тебѣ, бабушка, Юрьевъ день! Ну ребята! не даромъ говорили, что этотъ разстрига—еретикъ: на встрѣчу намъ не попадался, и здѣсь нѣтъ какъ нѣтъ!

Горожанинъ. Да ужь, братъ, хоть на днѣ морскомъ, а мы его отыщемъ.—Пойдемъ, ребята, на половину къ Маринкѣ! Вѣрно онъ тамъ!

Голоса въ толпѣ. Идемъ! идемъ!

Нѣсколько человѣкъ отдѣлилось и послѣдовало за горожаниномъ. — Въ то же время на дворѣ, подъ окномъ, послышались стоны.

Стрѣлецъ. (выглядывая въ окно). Сюда, ребята, вотъ онъ—еретикъ, здѣсь подъ ок-

номъ, вѣрно и черти не помогли, полетѣлъ изъ окна, да внизъ, а не вверхъ!....

Всѣ бросились вонъ изъ свѣтлицы.—Лжедимитрій дѣйствительно лежалъ подъ окномъ: услыхавши тревогу—онъ выскочилъ изъ окна и переломилъ ногу. — Около его находилось нѣсколько человѣкъ оставшейся ему вѣрной дружины Нѣмецкой; въ головахъ у него стояла юродивая Агафья.

— Голубчикъ ты мой! говорила юродивая,—жаль мнѣ тебя, прыгать-то ты не мастеръ, — скакнулъ и нога пополамъ! Эхъ! Гриша, Гриша! говорила я тебѣ, молись Господу Богу: не послушался меня — вотъ и вышло худо! Не ворошѣ залетать въ высокія хоромы, не тебѣ бы, бѣдный инокъ, сидѣть на престолѣ царей Московскихъ. Прощай, Григорьюшко! покайся хоть теперь, Господь всегда принимаетъ молитву. .. И юродивая скрылась.

Между тѣмъ толпа разъяреннаго народа

окружала Лжедимитрія, Нѣмцы отступили, и Самозванецъ очутился посреди разъяренной толпы Русскихъ.

— Ну, еретикъ! говори, кто ты такой? вскричалъ дворянинъ Воейковъ. приставивши къ груди Лжедимитрія дуло пистолета.

— Я вашъ царь, я Димитрій! отвѣчалъ разстрига,—пощадите, спасите меня.

— Лжетъ онъ! раздался позади ихъ голосъ: всѣ разступились, и князь Василій Ивановичъ Шуйскій, въ сопровожденіи нѣсколькихъ бояръ, показался въ толпѣ народа. — Сію минуту, продолжалъ Шуйскій.—мы были у царицы Марфы Ѳеодоровны, и она торжественно отказалась отъ разстриги.

Лишь только Шуйскій сточилъ эти слова, какъ пистолетъ у Воейкова задымился, раздался выстрѣлъ, и Лжедимитрій застонавши, опрокинулся назадъ.

— Говори же, кто ты такой! Сознавайся! вскричалъ дворянинъ Валуевъ, замахиваясь

на Самозванца кистенемъ.—Минута, послѣдняя минута твоя настала! Покайся, окаянный! Лжедимитрій застоналъ:—Русскіе люди! народъ православный! проговорилъ онъ, едва внятнымъ голосомъ,—простите, простите меня въ томъ, въ чемъ я согрубилъ предъ вами, я обманулъ васъ, я согрѣшилъ и ложно.... назвалъ себя.... царевичемъ Димитріемъ.... Сознаюсъ. .. каюсь... минута смерти.... приближается.... и я.... дол....жепъ очистить.... свою душу.. .

Кистень свиснулъ въ рукахъ Валуева, и Самозванецъ, окровленный, захрипѣлъ....

Въ это время царь-колоколъ ударилъ къ ранней обѣднѣ....

Второе предсказаніе юродивый сбылось... Иванъ Великій возвѣстилъ смерть втораго честолюбца ...

На другой день, съ ранняго утра, народъ толпился на Красной площади. Середи площади лежало тѣло Лжедимитрія и любимца

его Басманова. Подъ мышкою Самозванца была волынка, на груди — маска, ноги его покоились на груди боярина.—Ты былъ другомъ разстриги, при его жизни, служи же ему и послѣ смерти! говорили проходившіе мимо.

Въ полночь того же самаго дни какой-то прохожій, застигнутый позднимъ временемъ, пробирался скорыми шагами по Красной площади.... Вдругъ видитъ онъ какой-то дивный, зеленой огонекъ, который свѣтился середи площади. Прохожій начинаетъ всматриваться и замѣчаетъ, что огонекъ свѣтится въ томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ лежатъ тѣла Самозванца и Басманова; прохожему приходитъ на мысль, что огонь принесли съ собою стражники, которые вѣроятно наряжены сторожить два преступныхъ труна,—и онъ идетъ ближе къ

роковому мѣсту. Ему слышатся звуки музыки, доносящіеся до его слуха отъ того жѳ самаго мѣста, гдѣ видится огонекъ. Прохожій останавливается въ недоумѣніи, потомъ снова идетъ, приближается.... и видѣніе и звуки исчезаютъ.... Все темно, все мрачно! Прохожій бѣжитъ безъ оглядки прочь. Снова останавливается, снова видитъ тотъ же огонекъ, слышитъ тѣ же самые звуки.... Идетъ ближе и по прежнему все изчезаетъ....

На слѣдующій день по Москвѣ разнеслась молва о страшномъ видѣніи и о томъ, что на престолъ царскій избранъ боярин и князь Василій Ивановичъ Шуйскій!....

Изъ дворца шло нѣсколько человѣкъ бояръ; между ними находился какой-то незнакомецъ, въ платьѣ особеннаго покроя, отличавшемся богатствомъ и изысканностію: это

былъ капитанъ Маржеретъ, служившій при Борисѣ Годуновѣ и Лжедимитріѣ въ Нѣмецкой дружинѣ. Между ними происходилъ довольно жаркой разговоръ:

*1-й боярин*ъ (Маржерету). Ты иноземецъ, капитанъ, и не тебѣ судить о поступкахъ Русскаго православнаго народа: ты служилъ Борису за деньги, мы служили ему по присягѣ; Годуновъ погибъ, говоришь ты, но развѣ мы виновны въ его смерти?.... Самозванецъ прибавилъ тебѣ жалованья, ты и ему началъ служить опять таки за деньги!.... А мы (боярин*ъ* вздохнулъ), видитъ Богъ! мы приняли его на престолъ нашихъ государей, желая отчизнѣ спокойствія, мы принимали его какъ сына покойнаго нашего законнаго царя ... Ошиблись мы! кто же не ошибается?.... Да за то мы тотчасъ же и поправили свою ошибку?....

*2-й боярин*ъ Истинно такъ! гдѣ теперь

Самозванецъ? и прахъ его развѣяли по полю чистому.

3-й *боярин*ъ. Не допустили еретика посрамить нашу вѣру православную, нашу матушку святую Русь. Не владѣть папистамъ храмами нашими, не забываться Польской шляхтѣ передъ коренными Русскими боярами!

*Маржерет*ъ. Нѣтъ, бояре! я не слуга Шуйскому, пора домой!...

Въ это время явилась Агаѳья и, обращаясь къ Маржерету, сказала на послѣднія слова его: — Пора, пора! дядя, убирайся себѣ за добраума, пока съ честью проводжаютъ, а то пожалуй выпроводятъ и не больно ласково. Да не ѣзди и домой-то, голубчикъ, какъ бы тамъ не было худа: вѣдь ты чай за моремъ-то накуролесилъ: пришло худо, и давай Богъ ноги!...

Маржеретъ схватился за саблю.

*1-й боярин*ъ. (останавливая его). И какъ

тебѣ не стыдно, капитанъ, браться за оружіе, и противъ кого, противъ женщины (тихо); она юродивая!...

Маржеретъ улыбнулся; Агаѳья, какъ будто ничего не замѣчая, продолжала: — Еще то надобно сказать, есль ли у тебя и родина-то? вѣдь вы, мои голубчики, бездомовные, заморскія синички. — Ну да вѣдь бѣлый свѣтъ великъ еще, не тамъ, такъ въ другомъ мѣстѣ наймешься въ работники, вѣдь тебѣ, голубчикъ мой, кто ни попъ, то батька!... Лишь бы не бралъ даромъ денежекъ изъ нашей казны....

2-й бояринъ. Молчи, Агаѳья, не пригоже такъ обходиться съ гостями иноземными!

Агаѳья. Съ гостями иноземными! а кто ихъ зоветъ въ гости? по чутью, словно волки слышатъ, гдѣ много золота. Эхъ, бояре бояре! стыдъ и срамъ! Въ старину этого не было, не нуждалась матушка св. Русь въ наемщикахъ....

Маржеретъ (вспыхнулъ). Въ наемщикахъ?

Алёна. А кто же ты, мой голубчикъ? вѣстимо Наемщикъ! Сегодня служишь Русскому Государю за деньги, завтра Татаринъ дастъ тебѣ болѣе, ты пойдешь къ нему въ службу и съ Татариномъ придешь грабить св. Русь! Прощайте, бояре!...

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Князь Михаилъ Васильевичъ Скопинъ-Шуйскій.

Торжественный въѣздъ князя Скопина-Шуйскаго въ Москву.—Екатерина Шуйская.—Ея замыслы.—Юродивая.—Пиръ.—Заздравный кубокъ.—Кончина Скопина-Шуйскаго.—Опять юродивая.—Ея послѣднее предсказаніе.

Москва бѣлокаменная готовила торжественный пріемъ князю Михаилу Васильевичу Скопину-Шуйскому: юный герой, очистившій землю Русскую отъ Поляковъ, разгромившій враговъ отечества — въѣзжалъ въ столицу увѣнчанный лаврами, которыми бы могъ гордиться старый полководецъ, и всѣ спѣшили срѣтать спасителя родины. Между тѣмъ злоба не дремала и

готовила ему, — великому герою, кубокъ, отравленный ядомъ зависти и ненависти! ... Духъ злобы избралъ орудіемъ презрѣннаго замысла честолюбивую женщину, дочь извѣстнаго любимца Грознаго-Малюты Скуратова, жену князя Димитрія Ивановича Шуйскаго, роднаго брата царя Василія.

Утромъ того самого дня, когда назначенъ былъ въѣздъ въ столицу князя Скопина-Шуйскаго, Екатерина, жена Димитрія Шуйскаго, сидѣла въ своей свѣтлицѣ и задумчиво любовалась, сквозь узорчатое, разноцвѣтное окно, золотыми главами церквей кремлевскихъ Дверь отворилась, и супругъ ея Димитрій, въ богатомъ полукафтаньѣ и роскошной, парчевой ферязи вошелъ въ свѣтлицу.

— Прощай Екатерина, сказалъ онъ, я совсѣмъ готовъ и сей часъ отправляюсь во дворецъ. Я думаю, скоро начнется торжество, то-то будетъ хлопотъ!...

— И есть изь чего хлопотать! возразила Екатерина презрительно,—иди ненаглядный мой, бѣги встрѣчать племянника, кланяйся въ поясъ.... Князь Димитрій! я не узнаю тебя..... Ты, братъ царя, первый вельможа, наслѣдникъ престола, съ такимъ раболѣпствомъ, съ такимъ униженіемъ, бѣгаешь, суетишься.... и для чего!....

— Какъ для чего? спросилъ Димитрій,— да развѣ ты не знаешь, Екатерина, что сдѣлалъ для Россіи князь Михаилъ Василье-вичъ?.... Развѣ намъ не слава, что въ родствѣ Шуйскихъ — есть такой герой?.... Ему слѣдуетъ носить вѣнецъ Мономаха, а не мнѣ, Екатерина!....

— Ему! ему! говоришь ты? возразила злая женщина,—тому мальчику котораго я носила на рукахъ своихъ, носить вѣнецъ Мономаха? не бывать этому, я не хочу, я не допущу!.... Шуйскій улыбнулся: — Ты не хочешь, ты не допустишь? сказалъ

онъ, — да тебя объ этомъ и не спросятъ, Екатерина. Полно, жена, сумашествовать, выкинь изъ головы свои сумазбродныя мысли: не бабье дѣло судить о томъ кому быть царемъ и кому не бывать.... Прощай! Шуйскій вышелъ, и Екатерина презрительно посмотрѣла ему вслѣдъ.

— Слабый мужъ, глупый князь! сказала она, покачавъ головою:—въ то время, какъ корона такъ близка къ нему, онъ хладнокровно готовъ уступить ее племяннику; а я что? Нѣтъ, князь Димитрій, въ то время, какъ ты будешь бездѣйствовать, Екатерина не уснетъ спокойно ночи, не будетъ имѣть ни одной отрадной минуты, пока не достигнетъ исполненія своего завѣтнаго замысла — не будетъ царицею земли Русской!...

— Я скажу тебѣ лучше, Екатеринушка, когда ты успокоишься, возразила юродивая, входя при послѣднихъ словахъ княгини; — мы такъ ужъ созданы, съ тѣмъ рождены,

чтобы трудиться, хлопотать, мучиться всю жизнь, всего искать и ничѣмъ не быть довольными.... Вотъ я примѣрно — нищая, желала бы имѣть много золота: дай мнѣ цѣлыя горы богатствъ, я пожалуй захочу быть на твоемъ мѣстѣ ... Ты, Екатеринушка, и богата, и счастлива, и зовутъ тебя всѣ княгинею и всѣ тебѣ въ поясъ кланяются,—такъ нѣтъ! все мало, небось быть бы царицею хотѣлось. Эхъ, боярыня, боярыня! пустое ты затѣваешь! дѣло другое, если бы ты знала, что проживешь еще сто лѣтъ, ну такъ не что бы, стоило похлопотать, а то пожалуй вмѣсто престола выхлопочешь себѣ три аршина земли и тому будешь радехонька. Вотъ, Екатеринушка, когда ты будешь довольна! вотъ когда ты будешь покойна!

— Молчи, сумасшедшая, или поди вонъ! вскричала Екатерина грозно. —

— Сумасшедшая! повторила Агаѳья, су-

масшедшая! полно такъ ли, боярыня? будто тутъ говоритъ мое сумасшествіе, а не твоя совѣсть? Выкинь, Екатерина, изъ головы свои мысли, молись лучше Господу, не принимай на свою душу тяжкаго грѣха. Ты завидуешь князю Михаилу Васильевичу, а забыла то, что юный племянникъ твой проливалъ кровь свою за отечество, а ты забыла то, что сама носила его на рукахъ своихъ, была ему матерью, лелѣяла, любила.... Княгиня! рука твоя не подымется на погибель своего воспитанника, своего любимца! брось, выкинь изъ головы злыя мысли и будь по прежнему къ нему ласкова!... Екатерина зарыдала, и въ эту минуту, казалось, разрушились всѣ ея замыслы. Но въ то же время на Иванѣ Великомъ заблаговѣстили въ царь-колоколъ, вскорѣ во всей Москвѣ раздался торжественный звонъ — князь Скопинъ — Шуйскій въѣзжалъ въ Кремль.... Народъ бѣжалъ за нимъ толпами

и въ воздухѣ гремѣли восторженные клики: «да здравствуетъ князь Михаилъ Васильевичъ!»

Княгиня поблѣднѣла; съ негодованіемъ на самую себя, отерла она слезы, подбѣжала съ окну, отворила его, и въ сильномъ волненіи смотрѣла на происходившее.... Юродивая наблюдала за всѣми ея движеніями.

«Да здравствуетъ князь Михаилъ Васильевичъ, ура!» раздались снова клики народные, и Екатерина зарыдала снова, но въ это время причиною слезъ ея было уже не сладостное ввспоминаніе прошедшаго, а душевная злоба, которая разразилась, со всѣми своими ужасами, въ слѣдующихъ словахъ: «Нѣтъ! вскричала она, нѣтъ! князь Михаилъ Васильевичъ, ты ранняя птичка, и царской вѣнецъ тебѣ будетъ не къ лицу! Смотри! какъ онъ важно, гордо ѣдетъ, съ какимъ чувствомъ собственнаго достоинства кланяется народу!....»

«Да здраствуетъ князь Михаилъ Васильевичъ, ура!» раздалось въ третій разъ, и Екатерина въ изнеможеніи опустилась въ стоявшія близь окна кресла.—«Клянусь тѣнію и прахомъ родителя моего, прошипѣла она змѣинымъ голосомъ, минуты твои, князь Михаилъ Васильевичъ, изочтены!....»

Въ это время Димитрій Шуйскій вошелъ въ свѣтлицу.

— Ну, сказалъ онъ задыхаясь и отирая потъ, градомъ катившійся по лицу его,— отродясь не видалъ я такого торжества! Спасибо народу Русскому, спасибо добрымъ Москвичамъ—умѣли принять гостя дорогова! Какъ гаркнутъ: «да здравствуетъ князь Михаилъ Васильевичъ, ура!» такъ сердце выскочить хочетъ.... Согрѣшилъ признаться, и я погорланилъ, любо-дорого! А ужъ честь-то, честь-то какая — самъ царь встрѣтилъ его на крыльцѣ, говорилъ ему такія ласковыя рѣчи, что раздумаешься!....

Димитрій отеръ выкатившуюся слезу. — Екатерина задыхалась подъ бременемъ злобнаго отчаянія, — ломала руки, и наконецъ сказала:—Глупый народъ! толпа безумцевъ! кричитъ не вѣдомо что, и ей простительно! Ты, князь Димитрій! чего ждешь отъ своего героя-племянника? быть можетъ онъ пожалуетъ тебя своею милостію....

— И вѣстимо такъ! отвѣчалъ простодушно Шуйскій,—князь Михаилъ Васильевичъ радушно, ласково разговаривалъ со мною, неоднократно спрашивалъ о тебѣ....

— Неужели? произнесла Екатерина.

— Вѣрь мнѣ, отвѣчалъ Шуйскій;—называлъ тебя своею второю матерью, говорилъ, что онъ всегда помнитъ и никогда не забудетъ тебя...

Лице Екатерины прояснилось.

— И даже, продолжалъ Шуйскій, не отказался осчастливить насъ своимъ посѣщеніемъ, не погнушался нашимъ хлѣбомъ-солью,

и завтра, смотри же, не забудь, жена, завтра онъ будетъ у насъ кушать, похлопочи Екатерина! такого гостя надобно принять какъ слѣдуетъ....

— Осчастливить.... проговорила княгиня въ раздумьи,—не погнушался.... и лице ея искривилось отъ злости. Потомъ на устахъ ея явилась какая-то неопредѣленная улыбка, и она поспѣшно отвѣчала: да! я похлопочу, князь Димитрій, я постараюсь угостить дорогаго гостя!....

— Вотъ, за это спасибо, это по нашему! говорилъ Шуйскій, обнимая жену.

— Князь Димитрій, князь Димитрій! произнесла юродивая, подошедши къ супругамъ,— если бы ты могъ видѣть сердце своей супруги, ты бы задушилъ ее въ своихъ объятіяхъ!....

— А! Агаѳьюшка! это ты? вотъ жена дастъ тебѣ что нибудь, а я пойду да от-

дохну, сказалъ Шуйскій, и вышелъ. Тогда юродивая обратилась къ Екатеринѣ:

— Княгиня! сказала она,—еще разъ повторяю тебѣ, оставь свои замыслы!....

— Прочь! вскричала Екатерина,—я знаю, что дѣлаю, и до тѣхъ поръ не оставлю своего намѣренія, пока не приведу его въ исполненіе....

— То, къ чему стремишься ты, никогда не исполнится.—Судьбы Всевышняго неисповѣдимы, и если уже духъ злобы овладѣлъ твоимъ сердцемъ, то помни, княгиня, слова мои:—завтра, въ то время, какъ царь-колоколъ ударитъ къ вечерней молитвѣ, закатится юное, но свѣтлое солнце Россіи.... и въ это же время, Екатерина, пробьетъ послѣдній часъ твой!.... Екатерину ждетъ не престолъ, а могила!....

Въ домѣ князя Димитрія Шуйскаго готовился пиръ для принятія дорогаго гостя.— Въ большой парадной свѣтлицѣ былъ накрытъ столъ, серебряная посуда, золотые кубки, дорогія кушанья и заморскія вина— все было приготовлено; много гостей уже собралось въ свѣтлицу и только ожидали главнаго виновника торжества. Наконецъ князь Михаилъ Васильевичъ подъѣхалъ къ крыльцу на бѣломъ конѣ; рядомъ съ нимъ, на ворономъ жеребцѣ, гарцовалъ Шведскій воевода Делагарди.....

Князь Димитрій Шуйскій и нѣсколько бояръ выбѣжали встрѣчать героя, который соскочилъ съ лошади, и привѣтствуемый хозяиномъ, уже хотѣлъ идти на крыльцо, какъ вдругъ Агаѳья, вывернувшись изъ-за угла, остановила его:

— Остановись, князь Михаилъ Васильевичъ, послушай моихъ глупыхъ рѣчей, послушай моего ума-разума, сказала она;—ты

добръ, князь, ты выслушаешь меня, хотя видишь передъ собою нищую!....

Скопинъ-Шуйскій въ недоумѣніи остановился и спросилъ ее:—кто ты такая?.... и что тебѣ надобно?...

— Это сумасшедшая! отвѣчалъ Димитрій Шуйскій,—не слушай ее князь, милости просимъ, гость дорогой, мы ждали тебя и не думали дождаться!

— Самъ ты сумасшедшій, возразила юродивая, какъ будто обидясь замѣчаніемъ. — самъ ты сумасшедшій—учи жену свою, чтобы она была умнѣе!....—Не ходи князь, на пиръ, присовокупила она, обращаясь къ Скопину-Шуйскому.—не ходи, наше солнце красное, Екатерина не умѣетъ состряпать, а если ужь состряпаетъ, такъ поперхнешься кушаньемъ! ...

Князь Скопинъ-Шуйскій посмотрѣлъ на Агафью съ улыбкою и началъ взбираться на крыльцо.

— Князь! выслушай меня! закричала опять юродивая, ужь если идешь на пиръ, то не пей, рада Господа, не пей заздравнаго кубка, а не то, начавши за здравіе, сведешь за упокой!

Толпа бояръ скрылась. Юродивая грустно посмотрѣла имъ вслѣдъ и, сѣвши на ступенькахъ крыльца, зарыдала....

Пиръ былъ въ самомъ разгарѣ. Хозяинъ радушенъ, гости веселы, князь Михаилъ Васильевичъ доволенъ и радушенъ—чего жъ еще ожидать?....

— Князь Михаилъ Васильевичъ! сказалъ наконецъ Димитрій Шуйскій:—обѣдъ нашъ приближается къ концу, сейчасъ мы пили за здравіе царя: теперь, по твоему предложенію, слѣдовало бы выпить за благоденствіе св. Руси; но мы, всѣ предлагаемъ второй ку-

бокъ за здравіе спасителя нашего отечества, за героя князя Михаила Васильевича Скопина-Шуйскаго!....

— Благодарю, князь, благодарю бояре! говорилъ Скопинъ, кланяясь на всѣ стороны,—подобная честь превышаетъ всѣ мои заслуги.... но не смѣя противиться вамъ и принимая ваше предложеніе, какъ голосъ, проистекающій прямо отъ сердца, я согласенъ!....

— Князь! началъ снова Димитрій Шуйскій,—желаніе общее исполнено, позволь же мнѣ, твоему ближнему родственнику, принести свою просьбу: жена моя Екатерина, выносившая тебя на рукахъ своихъ, желаетъ полюбоваться тобою, и сама, изъ своихъ собственныхъ рукъ, поднести тебѣ заздравный кубокъ!.... Позволишь ли, князь?

— Заздравный кубокъ! вскричалъ Скопинъ припомнивши слова юродивой, — заздравный кубокъ!.... Потомъ онъ одумался и

отвѣчалъ: — принимаю, съ благодарностію, князь, предложеніе твоей супруги и радъ сердечно видѣть княгиню...

Двери отворились, и Екатерина, съ серебрянымъ подносомъ въ рукахъ, на которомъ стоялъ золотой кубокъ съ заморскимъ виномъ, вошла въ свѣтлицу. — Лице княгини было ужасно, блѣдно, посинѣлыя губы дрожали, она тряслась всѣмъ тѣломъ, такъ что кубокъ прыгалъ на подносѣ. Она низко поклонилась Скопину, хотѣла начать рѣчь, но молодой герой предупредилъ ее....

— Екатерина! началъ онъ тихо, но нѣжнымъ и пріятнымъ голосомъ,—Екатерина!... я не заслуживаю подобной чести, я самъ бы долженъ былъ явиться къ тебѣ и отблагодарить тебя за твое попеченіе о мнѣ въ дни моей юности, но ты предупредила меня, княгиня, и я благодарю тебя, тысячу разъ благодарю!....

Екатерина Шуйская снова поклонилась;

— Привѣтствую тебя, князь Михаилъ Васильевичъ, сказала она,—привѣтствую тебя отъ лица всей Руси, юный герой и спаситель отечества! Прошу выкушать кубокъ да весь, князь, не оставляй *зла!*

— Весь, княгиня, весь выпью! отвѣчалъ Скопинъ, принимая съ подноса кубокъ,—я зла не зналъ и не знаю. а особливо въ домѣ моихъ ближнихъ, на святой Руси!... Князь Скопинъ поднялъ кубокъ, подалъ знакъ рукою прочимъ гостямъ, всѣ послѣдовали его примѣру, и онъ, поднявши сосудъ надъ головою, продолжалъ:

— За благоденствіе нашего возлюбленнаго отечества, въ память убіенныхъ на брани, за здравіе храбрыхъ воиновъ-защитниковъ! ура!

— За здравіе героя и спасителя отчизны, князя Михаила Васильевича Скопина-Шуйскаго, ура! — отвѣчали собесѣдники единогласно.

Всѣ осушили кубки, и кубокъ князя Скопина явился на столѣ пустой.

— Какъ ты перемѣнилась, княгиня, началъ было опять Скопинъ, обращаясь къ Екатеринѣ, но вдругъ поблѣднѣлъ, запсталася и схвативши себя за голову, вскричалъ: — горитъ, горитъ весь міръ, небо и земля! все горитъ! а!.... дайте умереть, дайте покаяться!.... голова моя!.... сердце, все кончено!.... Онъ опустился на кресла и поникъ головою.

Всѣ въ смятеніи окружили князя, хлопотали, старались подать помощь.... Екатерина тряслась и съ ужасомъ смотрѣла на мученія героя. Въ это время юродивая вбѣжала въ свѣтлицу, бросилась на колѣни предъ Скопинымъ и вскричала:

— Ангелъ и душой и дѣяніями! что сдѣлалъ ты людямъ злымъ? Зачѣмъ тебя отняли у св. Руси, спаситель отчизны?.... Она обвила руками ноги князя, хотѣла согрѣть

дыханіемъ хладѣющія руки князя, но все было поздно — Скопинъ скончался....

Картина была неописанная.... Князь лежалъ бездыханный въ креслахъ, хозяинъ суетился, Екатерина трепетала, гости не знали что дѣлать... царь-колоколъ на Иванѣ Великомъ благовѣстилъ къ вечерней молитвѣ.....

— Слышите ли, вскричала Агаѳья,—слышите ли этотъ колоколъ?—онъ возвѣщаетъ смерть спасителя отчизны, онъ же возвѣщаетъ и гибель убійцѣ героя.... Преступленіе совершено, но замыселъ ничтоженъ!... Михаила мы видимъ бездыханнымъ, но *Михаилъ* будетъ на престолѣ, и съ той минуты, когда этотъ же печальный колоколъ возвѣститъ намъ всеобщую радость, будетъ миръ и тишина въ отечествѣ нашемъ и процвѣтетъ родъ царя яко кедръ Ливанскій и да будетъ!..

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Воцареніе Дома Романовыхъ.

Кремль, Красная площадь и всѣ смежныя съ нею улицы были наполнены народомъ, царь-колоколъ торжественно благовѣстилъ— это былъ день воцаренія на престолѣ Русскомъ, юнаго Государя Михаила Ѳеодоровича Романова.

Третье предсказаніе юродивой сбылось смертію князя Скопина Шуйскаго, теперь сбывалось послѣднее ея предсказаніе — воцареніемъ Дома Романовыхъ!... Въ этотъ же день Агаѳью нашли мертвою около колокольни *Ивана Великаго*, въ самыя заутрени: юродивая умерла, но умерла.... отъ радости!....

Мнѣ случалось отъ многихъ читателей слышать отзывы о прочтенныхъ ими романахъ.—Хвалятъ содержаніе, говорятъ: прекрасный романъ, занимательный романъ! жаль одного, что нѣтъ никакого окончанія!..

Гг. читатели! извините меня, я никакъ не рѣшился пуститься на подобное изуродованіе истины: довольно того, что я допустилъ въ романѣ своемъ одинъ *анахронизмъ*, хотя впрочемъ позволительный и невинный, но и въ томъ спѣшу раскаяться и дать отчетъ....

Вотъ цѣль и источникъ моего романа:—въ исторіи Государства Россійскаго Н. М. Карамзина, въ статьѣ о убіеніи Царевича Димитрія сказано:—*умерт или* (то-есть Угличане, въ отмщеніе за смерть Царевича), еще слугъ Михайловыхъ (дьяка Битяговскаго), *трехъ мѣщанъ, уличенныхъ или подозрѣваемыхъ въ согласіи съ убійцами*, и женку

юродивую, *которая жила у Битяговского и часто ходила во дворецъ....*

Вотъ основаніе романа: убита, говоритъ исторіографъ *женка юродивая....* Едва ли эта юродивая могла участвовать въ умыслѣ Годунова, потому что Битяговскій никогда бы не рѣшился вручить ей важную тайну, и, стало быть, можно предполагать, что она погибла единственно потому, что жила въ домѣ злодѣя Битяговскаго....

Романъ есть смѣсь исторіи съ выдумкою, стало быть никто не можетъ упрекнуть меня, если я дозволилъ себѣ подобный анахронизмъ, заставивши юродивую дѣйствовать и послѣ ея смерти; на это была особенная цѣль: исполнилъ ли я ее или нѣтъ, не мое дѣло....

Вы, читатель, пробѣжали мысленно романъ мой; стало быть догадаетесь, что цѣль эта состояла въ томъ, чтобы въ лицѣ *юродивой* представить *совѣсть* или духовную сторону

человѣка, которая преслѣдуетъ и не оставляетъ насъ до послѣдней минуты, даже въ то время, когда мы ближе къ погибели и утопаемъ въ безднѣ преступленія!...

Будете ли послѣ этого требовать отъ меня заимствованной развязки?.... Требуете? Въ такомъ случаѣ—я готовъ и обязанъ вамъ ее доставить!....

Г. авторъ! не хотите ли вы начать съ изнова романъ?....

Нимало! развязка готова—ищите ее во глубинѣ вашего сердца!

КОНЕЦЪ ВТОРОЙ И ПОСЛѢДНЕЙ ЧАСТИ.

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛІОТЕКА

ОГЛАВЛЕНІЕ
ВТОРОЙ ЧАСТИ.

ГЛАВА ПЕРВАЯ
Смерть Бориса Годунова.

Стран.

Извѣстія о Самозванцѣ. — Гришка Отрепьевъ — Измѣна Боярина Басманова. — Отчаяніе Бориса. — Предсказаніе юродивой. — Кончина Бориса. — Царь Ѳеодоръ Борисовичъ. 7

ГЛАВА ВТОРАЯ.
Лжедимитрій въ Москвѣ

Царствованіе Лжедимитрія. — Пріѣздъ Государыни Мареы Ѳеодоровны въ Москву. — Юродивая. — Князь Василій Ивановичь Шуйскій. — Марина Мнишехъ. — Опять Юродивая. — Ея предсказанія. . 17

ГЛАВА ТРЕТІЯ.
Смерть Лжедимитрія.

Набатъ. — Мятежъ въ Москвѣ. — Убіеніе Самозванца. — Тѣла Лжедимитрія и Басманова на площади. — Стра-

ОГЛАВЛЕНІЕ

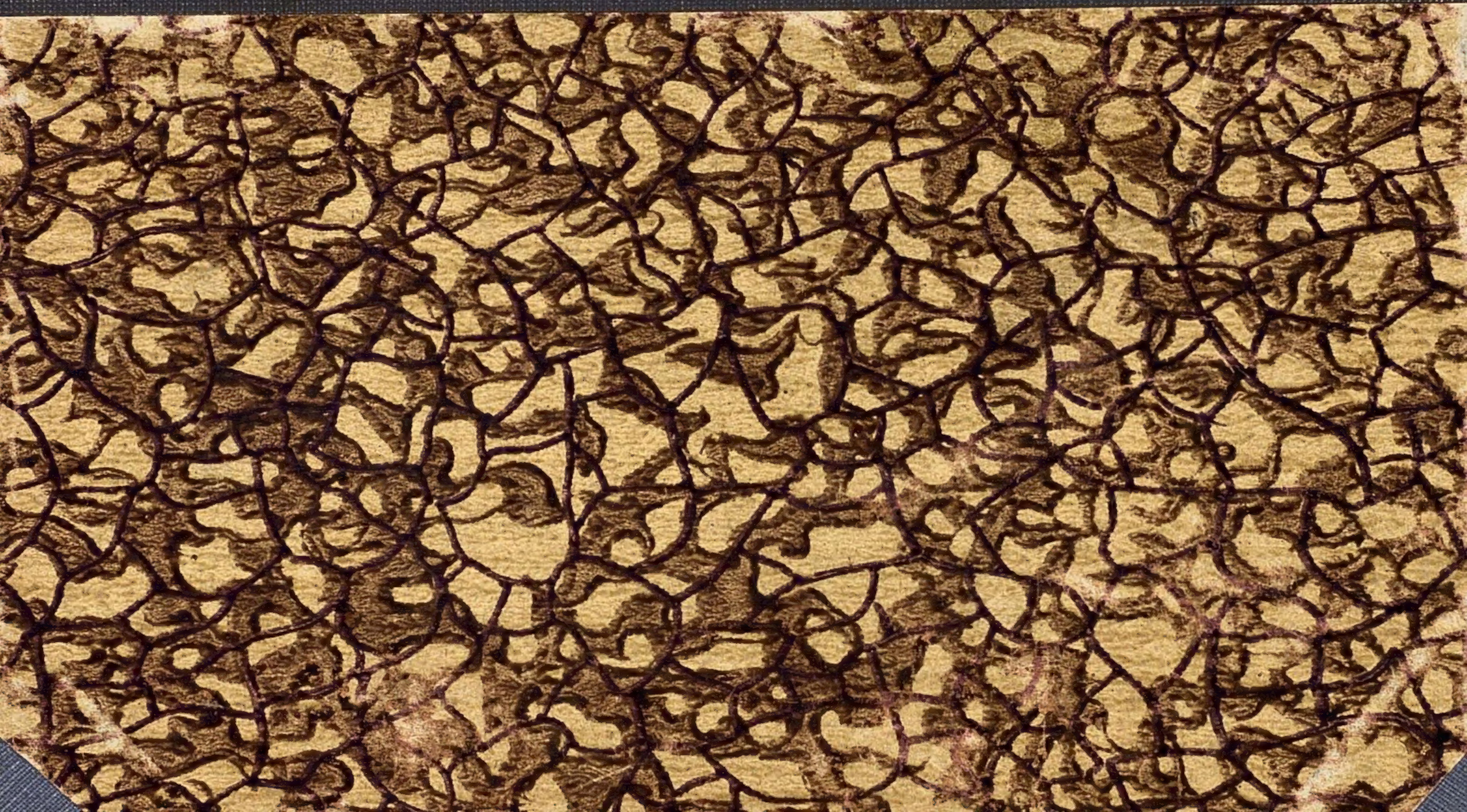
Стран.

шное видѣніе. — Новый Царь Василій Іоанновичь Шуйскій.—Иностранецъ Маржеретъ. — Юродивая. 33

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Князь Михаилъ Васильевичъ Скопинъ-Шуйскій.

Торжественный въѣздъ Князя Скопина-Шуйскаго въ Москву. — Екатерина Шуйская. — Ея замыслы. — Юродивая.—Пиръ, заздравный кубокъ.—Кончина Скопина-Шуйскаго.—Опять Юродивая.—Ея послѣднее предсказаніе. . 48

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Воцареніе Дома Романовыхъ. 67